

♠Маленькая хозяйка большой таверны.

Гринберга Оксана

♠Глава 1

С трудом, но я все же выбралась из забытья. Распахнула глаза, хотя мне казалось, будто бы мои веки налиты свинцом. Заморгала, пытаюсь прийти в себя.

Удалось, но не сразу – зрение сбоило, мир перед глазами то расплывался, то пытался развалиться на кусочки. Мне пришлось приложить порядком усилий, чтобы хоть что-то разглядеть.

И я разглядела – увидела перед собой мужское лицо.

Мужчина был совсем близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. И я, поморгав, уставилась в его холодные синие глаза.

Он тоже смотрел на меня не отрываясь.

Внезапно я подумала, что этот человек что-то от меня хотел. Да-да, кажется, он давно уже ожидал ответа на свой вопрос! Когда я была в полузабытьи, он его задал, но я так ему и не ответила. Сейчас тоже молчала, потому что не могла вспомнить, о чем он у меня спрашивал.

Тут мужское лицо вновь принялось расплываться, а тьма в очередной раз попытались меня похитить. Но я ей не далась. Качнула головой, разгоняя противный туман, оставлявший мерзкий металлический прикус во рту, затем постаралась сосредоточиться на сидящем напротив меня мужчине.

Смотрела на его резко очерченные скулы и волевой рот и всеми силами пыталась понять, кто он такой.

Так и не вспомнила, зато разглядела, что у него были черные, собранные в хвост волосы.

А он интересный, подумала я отстраненно. Мой тип – именно такие мне нравились!

К тому же, в мужчине чувствовалась недюжинная внутренняя сила, и это порядком добавляло ему привлекательности в моих глазах.

Неожиданно он поднялся на ноги, и я отметила, что незнакомец высокого роста и отлично сложен.

Правда, одет довольно странно – в несуразно-длинный, застегнутый на множество

пуговиц темный
жакет, черные, обтягивающие мускулистые бедра штаны и высокие сапоги.

Впрочем, собственная одежда нисколько его не смущала.

Мужчина с недовольным видом принялся расхаживать взад-вперед по комнате без окон, –
рассеянный свет лился откуда-то сверху, – и от его резких движений перед глазами у меня снова
поплыло. К горлу подобралась тошнота, и я, не выдержав, закрыла глаза.

Мельком подумала, что, наверное, я и была причиной его раздражения. Незнакомец привык к тому,
что на все его вопросы отвечали без промедлений, а его приказы исполнялись беспрекословно.

Но я молчала.

К тому же, меня не оставляло ощущение, что наш разговор порядком затянулся. Кажется, меня о
чем-то постоянно спрашивали, но я мялась, не зная, что ответить, поэтому он что-то со мной
сделал. Какую-то манипуляцию, из-за чего мою голову затянула белая пелена, перед глазами
поплыло, а сознание затуманилось.

Причем, надолго.

Но я все-таки очнулась, а теперь тщетно пыталась разобраться, кто я такая и где нахожусь, потому
что на все эти вопросы память отвечала могильным молчанием.

Я знала лишь то, что сидела в холодном каменном мешке – влажном и промозглом, без окон и с
закрытой дверью. Внезапно – словно по щелчку пальцев, – ко мне вернулись ощущения, и я в
полной мере осознала, что промерзла до костей. И что темно-серое до пят платье с узкими
рукавами и со шнуровкой по бокам, нисколько меня не согревало. Наоборот, сдавливало грудь,
мешая свободно дышать.

Кстати, откуда на мне эта вещь? Уверена, никогда такой не носила!

Но на этом странности не заканчивались.

Я сидела на колченогом стуле без спинки, из-за чего моя собственная спина давно уже затекла. От
▲мужчины меня отделял стол, на который сверху лился рассеянный свет. Голова болела, поэтому я
не стала ее задирать, чтобы посмотреть на лампу. Вместо этого уставилась на тяжелую, бронзовую
чернильницу, из которой торчало сизое перо.

Чернильница с пером... Такое я видела только в фильмах!

Снова заморгала, подумав, что, быть может, я промерзла настолько, что мне уже начинает мерещиться? Вот, мысли тоже путаются...

Причем, путались они уже давно, потому что я понятия не имела, кто эти люди, и что они от меня хотят. Потому что в углу обнаружился еще один.

Скорее всего, он исполнял обязанности секретаря. Одетый в серую хламиду, устроился за узким столом около тяжелой двери и что-то старательно выводил на желтоватой бумаге, обмакивая перо в чернильницу.

Я еще немного посмотрела на его чернильницу, а затем на дверь с задвинутым засовом, после чего перевела взгляд на висевший над головой секретаря светящийся огонек. Но ни лампочки, ни тянувшегося провода так и не обнаружила.

Огонек просто висел, подрагивая и покачиваясь, и я снова заморгала, пытаюсь найти этому приемлемое объяснение.

Где я, черт побери?..

— Леди де Эвре, — напомнил о себе мужчина напротив меня. У него был уверенный, властный голос. — У вас было достаточно времени, чтобы обдумать мой вопрос.

— Было, — отозвалась я глухо.

— Вы понимаете, о чем я у вас спросил?

— Нет, — призналась ему честно, с трудом оторвавшись от созерцания светящегося шара над головой у писаря. — Я вообще ничего не понимаю! Где я?!

Хотела поинтересоваться, кто такая, черт побери, леди де Эвре, чьим именем он только что меня назвал, но тут внутренний голос внезапно взвыл, предупреждая... Сказал мне, что этот человек опасен, и подобных вопросов задавать ему нельзя. Лучше молчать и открывать рот, когда меня спросят.

Но вместо этого я все-таки не удержалась от вопроса:

— Кто вы такой?

На это мужчина удивился — я увидела, как неверяще сузились ярко-синие глаза. И, опять же,

подумала — странно, откуда такой насыщенный свет в столь темном месте?

Его глаза, казалось, были словно подсвечены изнутри.

Но не успел он ответить, как внезапно очнулась моя память.

Я должна быть в больнице — именно эта мысль появилась у меня в голове, и я за нее моментально ухватилась... Вцепилась в нее, потому что память, словно бродячая кошка, вновь попыталась меня покинуть.

Но я ей не позволила — крепко держала ее за «хвост».

Да, я должна быть в больнице, сказала себе, а не выслушивать сухой ответ, что передо мной господин Эдвард Блейз, Высший Маг его Королевского величества Хуго II Игнеза, на данный момент исполняющий еще и работу дознавателя.

На это я покачала головой.

Нет, мне все это чудится! Никаких магов его королевского величества Хуго II не существует и в помине. Я попала в больницу после жуткой аварии, а все остальное — мужчина, комната, секретарь и огонек без провода — это лишь горячечный бред.

Или сон.

Да, это сон, и мне давно уже пора проснуться!

Постаралась это сделать — потрясла головой и даже ущипнула себя за руку. Но эффект оказался диаметрально противоположным. Голова в очередной раз прояснилась, и память услужливо пошла мне навстречу. Но перед глазами почему-то появились картинки, которым не было никаких объяснения.

Я увидела узкие, мощные брусчаткой улицы, каменные дома и проезжающие наемные экипажи и кареты. Странное место — никогда в таком не бывала!..

Незнакомый город сменило еще одно донельзя непонятное воспоминание — музыка в переполненном приемном зале и сверкающие в свете свечей драгоценности на шеях кружившихся в танце дам.

И я... В этом доме я была хозяйкой!

Нет, сказала себе. Это какая-то неправильная память, она не может быть моей!

Но на меня словно из рога изобилия продолжали сыпаться новые и новые

воспоминания. Я увидела
худого, светловолосого и очень высокого мужчину с резкими чертами лица,
стоявшего посреди
этого самого приемного зала. Кажется, этого человека я боялась, потому что он
частенько
поднимал на меня руку.

Это тоже показалось мне донельзя странным — я бы никогда не позволила себя бить!

Затем увидела худенькую девочку лет пяти-шести, светловолосую, похожую на
маленького
ангелочка. Неожиданно вспомнила, что именно ее я родила в жутких муках спальни
нашего
городского особняка — больше суток в родах, едва не умерла. Хорошо хоть муж
согласился позвать
магов!..

Они меня и спасли, но Флорен все равно остался недоволен тем, что первой у него
на свет
появилась дочь, а не сын, и больше месяца меня не навещал. Но я даже
обрадовалась — все к
лучшему, лучшему!..

Мне было намного лучше без него, потому что мой муж всегда меня пугал. И еще, я
ненавидела и
боялась те ночи, когда он вспоминал о супружеских обязанностях, а не пользовался
услугами
проституток из борделя на Сенгренской Площади!..

Тогда я преспокойно качала свою дочь на руках, напевая ей колыбельные, с
жалостью отдавая ее
кормилице, когда малышка хотела есть. Потому что молоко после тяжелых родов так
и не пришло.

В этот момент я ахнула и затрясла головой, из-за чего чуть было не сверзилась со
своего
колченого стула.

Потому что эти воспоминания не могли быть моими! У меня никогда не было детей —
я попросту не
могла их иметь.

А мой муж... Муж у меня был совсем другим!

Снова дернулась, внезапно осознав, в какой именно больнице очутилась. Так-так,
сказала себе. Это,
похоже, психиатрическая клиника, а вовсе не хирургическое отделение.

Ну что же, просто отлично!

Выходит, меня сильно накрыло — до такой степени, что до сих пор не отпускает.
Правда,
непонятно, чем именно — то ли у меня биполярное расстройство, то ли
шизофренический бред.

Скорее, последнее, решила я.

Да, шизофрения отлично бы все объяснила — и странности, происходившие перед моими глазами, и еще то, что я отлично помнила вещи, которые со мной никогда не случались.

Наверное, психическая болезнь — очередная скрытая особенность моего организма, и эта особенность наконец-таки вылезла на свет. Потому что у меня уже была одна, которая безжалостно разрушила мой счастливый брак.

У вас, Марьяна, такая особенность организма, говорили мне врачи, пугая длинными медицинскими терминами и диагнозами. Но все эти диагнозы и термины сводились к тому, что детей мне никогда не родить. Нет, утверждали они, сами вы не забеременеете — это исключено, с вашей-то особенностью!..

Но для вас есть отличный выход — называется он ЭКО, и это как раз то, что вам нужно!

Правда, ЭКО мне все равно не помогло — из-за этой самой особенности. Оказалось, я не только не в состоянии забеременеть, но и выносить ребенка тоже не могу, хотя мы несколько раз пытались.

▲В конце концов мой муж — из-за моей особенности, а еще из-за того, что каждое неудачное ЭКО надолго вгоняло меня в депрессию, — все-таки меня бросил. Ушел к другой, найдя себе помоложе, без особенности и без депрессии.

Но я его ни в чем его не винила — разве что совсем немного, так как он выбрал неподходящее для развода и раздела имущества время. Умела моя бабушка, и Никита мог бы немного и потерпеть...

Оказалось, не мог, потому что та, другая, без особенностей, вот-вот должна была родить. Поэтому я одновременно разводилась, делила имущество и организовывала похороны. Странно, как еще сама не улеглась рядом с бабушкой...

Вместо этого после поминок загремела в больницу с неясным диагнозом.

Но все же оправилась, много раз вспоминая бабушкины слова о том, что мы — из рода Вороновых, — особенные. Дети у нас рождаются только по большой любви и от правильных мужчин, а от неправильных и без любви — никак нам не родить, сколько ни старайся!

Это дар богов, любила приговаривать бабушка, на что я в детстве лишь пожимала

плечами.

Дар так дар, думала про себя. Правда, эти самые боги, которых она любила упоминать по делу и без, отобрали у меня родителей, погибших в автокатастрофе, так что мне казалось, что они могли бы одарить меня чем-то и получше.

Зато позже, когда я выросла, то поняла, что этот «дар богов» оказался настоящим проклятьем.

Сколько бы я с ним ни боролась, он всегда оказывался сильнее меня. Даже современная медицина его не раскусила!

Потом, правда, бороться стало не с кем. Никита женился на другой, и та благополучно родила ему сына. Я видела фотографии счастливого семейства в соцсетях и даже пожелала им любви и благополучия без какой-либо задней мысли.

Наверное, потому что после развода часть меня умерла, а вторая заиндевелила и никак не могла согреться, — и у меня попросту не осталось этих самых «задних мыслей», как и нормальных человеческих чувств.

Мне было все равно, и я с головой погрузилась в работу. Настолько, что уезжала домой последняя, а на следующее утро возвращалась в офис первая.

Дни сменялись днями, месяца месяцами, а потом счет пошел и на годы. Меня заметили, одобрили, повысили, добавили зарплату. Перевели в новый кабинет, назначили руководить; затем снова повысили, добавили и продвинули...

Это продолжалось ровно до вчерашней ночи. Вернее, до момента, пока какой-то лихач на джипе на загородной дороге не вылетел на мою полосу как раз перед моей машиной. Но я из последних сил старалась избежать лобового столкновения.

Руль в сторону, машина в овраг. Удар, боль, перед глазами потемнело, а потом и вовсе все исчезло.

Наконец, пришла в себя. Но почему-то не в больнице, а в каменном мешке рядом с господином королевским дознавателем, буквально прожигавшим меня взглядом синих глаз.

А больше ничего я и не помнила. Кроме того, что у меня уже несколько часов подряд пытались выведать, что я знаю о каких-то там лилиях!

Но садоводство не входило в список моих увлечений, а из цветов я любила только

розы. Так ему и сказала, на что Эдвард Блейз уставился на меня с явным недоумением. Но я продолжила говорить, потому что в голову лезли совсем уж диковинные вещи.

– Лорейн Дюваль, – сказала ему. – Меня зовут Лорейн Дюваль, по мужу леди де Эрве. У меня есть дочь Анаис. Ей шесть лет и семь месяцев. И еще у меня есть...

Да, у меня есть муж, Флорен де Эрве, который старше меня на целых двадцать пять лет. Меня выдали замуж в шестнадцать за человека, который до ужаса меня пугал. Но, по мнению отца, это была отличная партия, лучшей и не найти.

Он сам вложил мою ладонь, стоя рядом со мной возле алтаря, в руку человека, который стал меня бить чуть ли не с брачной ночи – Флорена все во мне раздражало! Он измывался надо мной год за годом, и единственной отдушиной в безрадостной жизни стала для меня дочь Анаис.

– Ваш муж мертв, – безразличным голосом произнес Эдвард Блейз. – Убит два дня назад во время штурма Виллерена. Флорен де Эрве был одним из заговорщиков, возглавлявшим мятеж Лилий.

♠И я уставилась на него во все глаза.

К тому же, сознание снова попыталось меня покинуть, потому что внезапно я обнаружила, что королевский дознаватель говорил со мной не на русском языке. И еще, что я прекрасно его понимала.

Да что там это, я тоже говорила с ним на чужом языке!

– Что вы мне дали? Какие-то психотропные препараты?! – спросила я, и мой голос прозвучал на редкость жалобно. Вернее, голос тоже не был моим!

– Что вы имеете ввиду, госпожа Дюваль? – нахмурился мужчина. – Какие еще... психотропные препараты?

Судя по тому, как он произнес слово «психотропные», Эдвард Блейз понятия не имел, что это такое.

И я почувствовала, как меня накрывает паника.

– Где я? Что это... Что это за больница?!

– С чего вы решили, что вы в больнице? – переспросил он холодно, и синие глаза сузились. – Вы в цитадели Виллерена, и именно в этот момент я пытаюсь сделать все, чтобы вы не угодили на плаху,

обвиненная в участии в мятеже!

Сказанное прозвучало донельзя резко, и я отшатнулась.

— В каком еще мятеже?! — переспросила у него, перейдя на шепот, потому что внезапно осознала, что мужчина не шутит, и моя жизнь висит на волоске. Вернее, она зависит как раз от него. — Но меня-то за что?! Я вообще ничего не знаю!.. Вернее, ничего не понимаю!

Какое-то время он продолжал буравить меня взглядом, и мне почему-то казалось, что этот самый взгляд проник и преспокойно хозяйничает у меня в голове.

— Вы правы, госпожа Дюваль! — неожиданно отозвался он. Затем кивнул, словно окончательно в этом убедился. — Вы ничего не знаете. А то, что у вас туманится разум, это вполне закономерное последствие ментального воздействия. — Он повернулся в сторону писаря. — Густав, отметь у себя, что Лорейн Дюваль, бывшая леди де Эрве, дала показания под Заклинанием Правды. В ходе допроса выяснилось, что она ни в коем случае не причастна к мятежу Лилий.

— Не причастна!.. — пробормотала я. Затем посмотрела Эдварду Блейзу в глаза, потому что на ум пришла внезапная догадка. — Вы ведь копались у меня в голове?

Наверное, это многое могло бы объяснить. Не все, но хоть какую-то часть из того, что со мной происходило.

Гипноз... Этот мужчина каким-то образом меня загипнотизировал. Что-то мне внушил, поэтому память старательно отвергала аварию, обледеневшую дорогу, мой коттедж за городом, в который я приезжала лишь переночевать, отличную зарплату в консалтинговой компании и горные лыжи раз в году.

Вместо этого она упрямо подсовывала мне кареты, лошадей, мужа-садиста, мятеж в Виллерене и мою дочь...

Уверена, это все гипноз! Мужчина, который уселся напротив меня, и секретарь протянул ему на подпись несколько документов, что-то сделал с моей головой!.. После этого он принялся задавать мне вопросы, на которые получил вполне исчерпывающие ответы, а я все еще нахожусь под его воздействием. Даже если бы я хотела что-то от него скрыть, мне все равно бы не удалось.

Правда, на последнем вопросе я замялась с ответом, но он все же убедился, что к

мятежу я
непричастна. Единственное, в чем меня можно было обвинить — так это в том, что я
не испытывала
горя, став вдовой.

Наоборот, смерть Флорена принесла мне огромное облегчение. Страшный человек,
которого я
боялась все семь лет нашего брака, упокоился. И пусть Святая Эрдина...

Тут я снова закрыла глаза, понимая, что сейчас моя несчастная голова расколется
на две части. В
одной будет работа двадцать часов в сутки и горные лыжи раз в году, а вторую
займут лошади и
кареты.

— Я очень странно себя чувствую, — пожаловалась я Эдварду Блейзу. — Голова
словно в тумане.

Может быть, у вас найдется таблетка, которая снимает эти самые... последствия
ментального
воздействие?

♠Ничего подобного у него не было. Только доброе слово.

Вернее, это слово оказалось так себе, потому что возиться со мной он не
собирался.

— В скором времени это пройдет, госпожа Дюваль, — заявил он все так же холодно,
после чего

добавил, что у него много дел. — Сейчас мы закончим с документами, я верну ваш
паспорт, и вы
сможете идти. У входа в цитадель вас дожидается дочь.

— Дочь!.. — пробормотала я. — Да, у меня есть дочь. Ее зовут Анаис, и я ее
родила шесть лет
назад...

— Нисколько в этом не сомневаюсь! — отозвался он безразлично. — К тому же, я
подпишу вам

бумагу, что вы чисты перед законом. Сохраните ее, она вам еще пригодится. —
Затем добавил: —

Надеюсь, вы понимаете, что все имущество вашего мужа, включая столичный особняк,
загородное

имение в Барви и деньги со счетов Флорена де Эрве в Банке Вилларосы отошли к
казне. Его вина не
подлежит сомнению.

На это я уставилась на королевского мага, пытаюсь уложить сказанное в голове.

Внезапно я в полной мере осознала, что потеряла не только городской особняк и
загородное
имение в Барви.

Моего новенького коттеджа в Лесном Поселке тоже нет. Машины не существует —
потому что еще

не изобретен двигатель внутреннего сгорания, — а моей работы здесь не было и в

помине.

Все это осталось в прежней жизни.

– Куда же мне идти? – спросила я у Эдварда Блейза, посмотрев в его синие глаза.

На это королевский маг пожал плечами, заявив, что это такие вещи не касаются.
Тут писарь
угодливо протянул ему бумагу, на которой господин дознаватель поставил печать и
размашистую
подпись.

– Это вам, госпожа Дюваль! – протянул мне бумагу после того, как чернила
подсохли.

И я ее взяла. Сложила вдвое, затем в четверо. Хотела сложить еще раз, но вовремя
очнулась.

Да, Эдвард Блейз прав, такой документ мне еще пригодится!

– Так куда же мне идти? – вновь спросила у него, неожиданно поняв, что сейчас
меня выставят из
этой комнаты, потому что у мага полным-полно дел.

Наверное, его ждут допросы тех, кто причастен к заговору. Или же непричастен, и
ему предстоит
это выяснить. Зато меня за дверью ждет дочь. Анаис – светловолосый ангелочек,
которую я любила
больше всего на свете.

И мы с ней пойдем... непонятно куда!

– Вам стоит вернуться к своим родственникам, – неожиданно отозвался маг, и его
голос прозвучал
устало и почти по-человечески. – И молитесь Святой Эрдине, чтобы Боги дали им
сил вас понять и
простить.

– Но за что меня прощать? – удивилась я. – Ведь я ни в чем не виновата! Вы сами
только что в
этом убедились и даже подписали бумагу, что я чиста перед законом и не
участвовала в заговоре!

– Ваш муж предал Истинного Короля, – его голос снова прозвучал недовольно. –
Флорен де Эрве
был одним из зачинщиков заговора, поэтому его вина бросила тень на вас и на вашу
дочь. На всю
вашу семью!.. К тому же, вы прекрасно знали, кем был ваш муж.

– Но он...

– Он вас бил, – маг склонил голову. – Да, я в курсе. Держал вас взаперти, и вы
ничего не могли
поделать.

– Так оно и было! – отозвалась я, отгоняя тяжелые воспоминания. Не мои, а воспоминания Лорейн, которые меня порядком, до боли в висках, тревожили. – Этот человек полностью меня контролировал и подавлял, но нас с Анаис все равно лишили титула и дома...

– Благодарите Богов за то, что вы вообще остались живы! – отозвался тот резко. – Впрочем, вы можете оспорить решение в суде, но я искренне не советую вам этого делать. Лишь потеряете деньги. И, возможно, потеряете еще и свою жизнь. ♣Жизнь терять мне не хотелось, а денег у меня попросту не было. Вернее, у меня было только это серое, до пят платье, на подоле которого виднелись следы крови.

Чьи – я понятия не имела.

Зато у меня была дочь, один – ноль в мою пользу! Осталось придумать, как нам выжить в мире, для которого мы с Анаис – враги.

– Я могу забрать из особняка вещи? – мой голос дрогнул. – Ведь у нас есть вещи...
– Должны же они быть!

– Вы можете попробовать, госпожа Дюваль! – отозвался маг. – Но я серьезно советую сегодня вам этого не делать. Повремените хотя бы несколько дней...

– Но почему?!

– Ваш муж причинил слишком много зла людям Виллерина, поэтому вам с дочерью будет лучше как можно скорее уехать из столицы. Для вашей же безопасности... Позже, когда все уляжется, вы сможете вернуться за своими вещами.

Тот он, сняв с пояса, протянул мне кожаный мешочек. Судя по выступающим контурам, внутри были кругляшки монет.

– Этого хватит на то, чтобы вы с дочерью покинули столицу. И еще мой вам совет – смените имя и постарайтесь как можно скорее забыть о прежней жизни. Куда бы вы ни поехали, никому не говорите, кем был ваш муж.

И я протянула руку, чтобы взять то, что он мне давал.

Пусть внутри меня подняла голову гордость, попытавшаяся было заявить, что мне не нужна милостыня, но я ее заткнула. Сказала себе, что у меня есть дочь, и я беру эти деньги ради Анаис.

Это не позволит нам умереть с голода, пока я не разберусь, что именно со мной произошло, и не решу, что нам делать дальше.

До боли сжав мешочек в ладони, я поблагодарила Эдварда Блейза за его доброту.

Но пусть я пальцами чувствовала острые ребра монет, часть меня все еще отказывалась верить в происходящее. Продолжала твердить, что я вот-вот приду в себя. Очнусь в палате, и надо мной склонится заботливый доктор, который объяснит, что я слишком долго спала. Да-да, под воздействием сильных медикаментов, поэтому и сны слишком уж реалистичные.

Или же окажется, что меня опоили.

Вернее, напоили коллеги, вчера праздновавшие чей-то день рождения. Но я сбежала, сказав им, что у меня дел неуворот, хотя из дел была только работа завтра утром. Правда, из вежливости все-таки пригубила шампанского. Самую малость — даже глотка не сделала, так как мне нужно было садиться за руль.

Но и этого почему-то хватило, чтобы я до сих пор страдала от галлюцинаций!

Но память упрямо продолжала твердить, что никакая я не Марьяна Воронова, а Лорейн Дюваль. Моего мужа убили на моих глазах, когда в наш особняк ворвались гвардейцы Клинков.

Клинки — потому что на знамени короля Хуго Игнеза был изображен орел, сжимавший в лапе меч, а на штандартах его троюродного брата Домиана, пытавшегося захватить власть в Арвейне, тоже был орел, но уже с лилией.

И еще, пока я закрывала собой дочь, умоляя нас пощадить, маги сперва убили Флорена, а потом начали убивать меня. Сыпали проклятиями и говорили, что мы должны сдохнуть — проклятые Лилии!..

Но, выходило, не убили, раз уж я до сих пор жива.

И все потому, что Флорен и его соратники проиграли, хотя вначале у них шло как по маслу. Домиану удалось захватить власть в Арвейне и удерживать ее целых три месяца, так как он обьявил своего троюродного брата Хуго, отправившегося в поход за Стену, погибшим.

К тому же, многие придворные перешли сторону Дамиана — всем порядком надоели бесконечные

войны, которые вел король Хуго. Но через три месяца Лилий предали те, кому они хорошо заплатили. Наемники из Истгарда, в чьей верности они нисколько не сомневались. ♠К тому же, в войсках Лилий начался раскол, потому что прошел слух, что король Хуго все-таки вернулся из-за Стены, хотя все его уже похоронили.

Вернее, пытались похоронить – оказалось, Дамиан несколько раз подсылал к нему убийц. Последний раз вышел довольно удачным для Лилий, потому что покушение все же состоялось. Но король Хуго выжил, хотя еще не оправился от раны, нанесенной отравленным кинжалом.

Он был вынужден оставаться в южной провинции Арвейна, тогда как передовые части его армии взяли штурмом столицу, выкинув из нее Лилий, а теперь пытались навести в Виллерене порядок.

Правда, мятежники до сих пор оставались сильны и не собирались сдаваться. Наверное, понимали, что предательства им никто не простит. Дамиан отвел свои войска от столицы, дожидаясь подкрепления, и у него все еще оставался шанс переломить ход гражданской войны.

Впрочем, меня это нисколько не волновало.

Эдвард Блейз был прав – Лорейн Дюваль не участвовала в заговоре, так и не примкнув ни к одной из сторон даже в своих мыслях. Единственное, чего она хотела – спасти свою дочь.

Вот и я... Я хотела того же самого. Поскорее забрать Анаис!

И я ее забрала.

Мне сказали, что девочка ждет меня у вдоха в цитадель, и я спешила к ней, шагая по длинным коридорам за одним из солдат Клинков. Шла, уставившись на широкую спину в черном мундире и на меч, висевший на его боку.

Уже ничему не удивлялась, но все еще не оставила попыток понять, что со мной произошло на самом деле. Неожиданно в голову пришла вполне разумная мысль.

Я умерла, сказала себе.

Да, в той аварии я все-таки не выжила. После этого попала в ад – судя по тому, что видела вокруг и по воспоминаниям о супружеской жизни с Флореном де Эрве.

Или же в рай, потому что здесь у меня был ребенок.

Дочь, которую я не могла родить в своем мире.

И я ее увидела – маленькая, сжавшаяся в комочек девочка в грязном кружевном платьишке,
сидевшая на нижней ступеньке у входа в цитадель.

Меня как раз вывели из железных дверей, захлопнув их за моей спиной – хорошо хоть не пнули сапогом в спину, за «заслуги» покойного мужа перед отечеством.

Я посмотрела на Анаис Дюваль – потому что титула у нас больше не было, – а она, повернув голову, посмотрела на меня. И уже в следующую секунду меня накрыло волной огромной, всепоглощающей материнской любви. Настолько сильной, что я едва удержалась на ногах, а к глазам прилили слезы от рвущихся наружу чувств.

Но я не стала плакать. Решила, что не буду пугать девочку, которая и так выглядела порядком запуганной и жалкой до невозможности.

Но это был мой ребенок, я знала! Я ее родила, и я буду любить ее всегда. И пусть я не была Лорейн Дюваль, сейчас меня это мало волновало, потому что ее чувства и воспоминания давно уже стали моими.

Вернее, с воспоминаниями было все не так и просто, но зато в чувствах у меня не было никаких сомнений.

– Анаис! – позвала я, услышав, насколько хрипло прозвучал чужой, совсем не мой голос.

Свою новую внешность я тоже не представляла, видела лишь темную длинную косу, спадавшую мне на грудь. А ведь я от природы была блондинкой, стриглась коротко и модно.

– Иди ко мне, девочка моя! – добавила я.

И она, поднявшись на ноги, пошла.

Пока Анаис поднималась по ступеням, я окинула быстрым взглядом кривоватые дома неподалеку – одно- и двухэтажные, деревянные, с покосившимися ставнями и редкими стеклами в окнах. За ними на невысоком холме возвышался еще один квартал, явно побогаче – встречались и трехэтажные гиганты с красной черепицей крыш, – а вдали золотели далекие шпили храмов.

Затем я подняла глаза и уставилась на садившееся солнце.

Первое из них – Иртэ.

Потому что было еще и второе – Врон, память Лорейн подсказала.

И да, у меня пропали последние сомнения в том, что я попала в другой мир.

Дорогие мои, чтобы не запутались:

– Арвейн – название королевства,

– Виллерен – его столица.

Впрочем, сейчас меня это мало волновало, потому что ко мне подбежал мой ребенок.

И я обняла
девочку, подхватив ее на руки и прижав к себе.

Она показалась мне очень худенькой и слабой. Тут Анаис всхлипнула, и по ее чумазому личику с тонкими чертами – из нее вырастет настоящая красавица! – потекли слезы. И я прижала ее к себе еще сильнее, а потом принялась гладить по спине.

– Мама! – выдохнула она мне в ухо, на что я тоже не удержалась от слез, хотя не хотела, не собиралась плакать.

– Мама, – повторила я. – Да, я твоя мама! А ты моя дочь, и я больше никогда... Обещаю, никогда не дам тебя в обиду!

Девочка продолжала всхлипывать, но я гладила и покачивала ее так долго, пока она не успокоилась.

– И вот еще, – сказала я даже не ей, а самой себе, – у нас с тобой все будет хорошо! Да, впереди нас ждут непростые времена, – потому что я понятия не имела, куда мне идти и что делать в этом мире двух солнц, – но мы обязательно справимся.

Наконец, Анаис затихла на руках, пристроив голову на мое плечо. Кажется, она уснула. Но и это добавило тревог, потому что мне казалось, будто бы девочка слишком горячая.

Я не могла понять, был ли у нее жар, или же это я промерзла в подземелье настолько, что чувствовала идущее от Анаис тепло даже через ее замызанное круженое платьишко и собственный громоздкий наряд. Дома я бы обязательно достала из аптечного ящичка градусник, а потом, если бы понадобилось, и жаропонижающее.

И, конечно же, сразу же вызвала доктора.

Зато сейчас я не представляла, что мне со всем этим делать. Да, у меня был мешочек с монетами, и это вселяло надежду на то, что нам его хватит на первое время.

Правда, я понятия не имела, сколько в нем денег. И еще, не отберут ли его у меня, потому что в просвете между ближайшими домами показался отряд всадников.

Они направлялись к каменному зданию цитадели, и я решила, что оставаться мне здесь не стоит. Мало ли, кто-нибудь узнает во мне жену великого и ужасного заговорщика, и даже выданная королевским магом бумага меня не спасет?!

Поэтому, прижимая к себе Анаис, я побрела в противоположную от приближавшегося отряда сторону. Куда-то в бок, к ближайшим домам.

Шла, размышляя, что мне делать дальше и как позаботиться о своей дочери.

Глава 2

▲Глава 2

Я брела по малознакомому, наводившему на меня ужас городу. Почти его не знала — в голове время от времени появлялись редкие проблески воспоминаний, приносившие с собой нечеткие названия и смазанные картинки.

И все потому, что память Лорейн Дюваль так до конца и не стала моей.

Наоборот, пришедшая во время допроса, а потом вывалившая целую россыпь воспоминаний после того, как я покинула цитадель, она тоже... стремилась меня покинуть.

С каждым новым шагом по пыльной земле — потому что об асфальте здесь могли только помечтать, — с каждой минутой в этом мире, чужая память уходила от меня все дальше и дальше.

Мне казалось, что Лорейн Дюваль тоже удалялась, отправляясь куда-то к своим Богам, оставив меня здесь со своей дочерью. А еще разбираться со своей жизнью, потому что ее время истекло.

Но я собиралась это делать — растить ее дочь, ставшую моей, и разбираться с ее жизнью, — потому что у меня попросту не было другого выхода.

Правда, сейчас я чувствовала себя загнанной в угол и ужасно одинокой. Шла по узким, пропахшим нечистотами улицам бедного квартала, мимо кривоватых, покосившихся домов, неся Анаис на руках — хотела поскорее выбраться из этого места, — и изо всех сил пыталась вытащить

из ускользающей
чужой памяти хоть что-то...

То, без чего в этом мире нам не выжить.

Из подворотен время от времени высывались худые собаки, шнырявшие в поисках
еды, глядели
на меня голодными глазами. Иногда показывались такие же худые и оборванные
обитатели бедного
квартала.

Пару раз ко мне даже подходили. О чем-то спрашивали, но я лишь качала головой.
Похоже, на моем
лице было написано что-то такое, из-за чего меня оставляли в покое.

Неожиданно в полудреме Анаис вытащила из-под ворота моего платья тонкую золотую
цепочку. На
конце ее обнаружился кулон в виде ключа, украшенный камушками. Какими именно, я
не успела
разглядеть, потому что девочка сжала его в кулачке и снова засопела, пристроив
белокурую
головку у меня на плече.

Подумав, что у меня будет еще время разобраться, что именно носила на шее Лорейн
Дюваль, я
пошла себе дальше, к золотым шпилям и величественным зданиям центра. Хотела
поскорее
миновать бедный квартал, чтобы не попасть в еще большие неприятности.

Хотя, что могло быть хуже — лишиться всего сразу же в двух мирах!..

В какой-то миг я даже подумывала разбудить девочку и попросить ее идти самой,
так как Анаис
начала порядком оттягивать мне руки. Но затем решила, что путь лучше подольше
поспит, потому
что мне начало казаться, будто бы девочка не только выглядела, но и сопела
совсем уж нездорово.

Наконец, перестав терзать память Лорейн, — совершенно бесполезное дело! — я
принялась
размышлять, что нам делать дальше. Переступала ногами, пока внезапно не поняла,
что они несут
меня... в квартал Солейр — название выплыло из памяти само по себе.

Получалось, что я инстинктивно шла к месту, служившему домом для леди де Эрвэ. К
особняку, в
который привез ее после свадьбы Флорен де Эрве, и где она прожила в страхе
долгих семь лет.

Это место, по словам Эдварда Блейза, мне уже не принадлежало, потому что Флорен
де Эрве был
одним из мятежников. Его убили, и вся его собственность перешла к короне, а у
самой Лорейн
Дюваль ничего не было.

Никакого имущества или же собственных денег — даже счета не водилось. Муж ее полностью контролировал и обеспечивал.

Но я упрямо шла, ведомая инстинктом, уверенная, что найду и не ошибусь.

Все правильно, решила я, надо попробовать с домом.

Память Лорейн подсказала, что сейчас в Арвейне ранняя весна, а ночи в Виллерене стоят холодные — до столицы долетали ветра с северных склонов Морейских Гор.

Поэтому мне понадобится теплая одежда. Для дочери и для себя.

♠И еще еда. Да, уверена, на кухне и в кладовых особняка полным-полно еды! Пусть дом у меня отобрали, а слуги разбежались — они покинули нас, как только Лилии начали сдавать позиции, — я уж как-нибудь найду все и сама.

Допустим, Клинки не позволят нам с Анаис остаться, потому что особняк де Эрве перешел в собственность короля Хуго Игнеза, — но хоть собраться-то мне дадут? Пусть проявят милосердие — у меня все-таки на руках больной ребенок!

Кстати, с этим тоже нужно было что-то срочно делать.

2.2

Но я пока еще не понимала, как мне быть. Где найти врачей в этом городе, если все вокруг закрыто, а люди словно испарились?!

На этот вопрос память Лорейн ответила молчанием. Правда, мне все же удалось из нее выцарапать, что в особых случаях муж посылал за семейным доктором, но где он обирает, Лорейн понятия не имела.

К тому же, я подозревала, что услуги дорогой частной практики мне сейчас не по карману, и придется найти для Анаис более демократичный вариант. Подумывала даже спросить у прохожих — мы как раз миновали бедный квартал и оказались среди лавок ремесленников, — но людей нигде не было.

Ни единой души!

Дома явно стали получше, на улицах появились конструкции, указывавшие на существование в этом мире водопровода и канализации, — на что я пусть устало, но все же порадовалась, — только вот

расспросить оказалось некого. Не стучаться же в закрытые двери?

Когда я стала раздумывать и над этим вариантом, мимо меня пронеслись вооруженные всадники,
заставив отпрянуть и прижаться к стене дома, а на следующей улице на моем пути возникли
мужчины в темных плащах и в черной форме с алыми клинками на груди.

Их было трое, они приближались, и я замерла, судорожно размышляя, стоит ли бежать без оглядки,
или все-таки дождаться и узнать, что им от меня понадобилось.

Затем вспомнила о выданной в цитадели бумаге и решила остаться.

Когда они подошли, я внезапно почувствовала идущие от них вибрации, сходные с теми, которые
ощутила в комнате для допросов. Казалось, внутри каждого из мужчин был припрятан работавший
камертон — потому что от них исходили странные, неслышимые ухом и невидимые глазу
излучения.

Магия, выловила я ответ из памяти Лорейн Дюваль.

Эти люди — такие же маги, как и Эдвард Блейз, и мне стоит держаться от них подальше! Потому
что я — обычный человек и подобными силами не обладаю. К тому же, я — вдова лорда де Эрве, а
фамилия моего мужа сейчас это как позорное клеймо.

Но бежать я не стала, хотя маги мною заинтересовались. Подошли, и внутри все сжалось — на этот
раз я поняла, что ощущаю не свой страх, а Лорейн. Это были остатки ее чувств, которые иногда
перехватывали власть над моим разумом.

Но эти остатки ослабевали.

Постепенно я становилась самой собой — Марьяной Вороновой, разведенной девицей тридцати трех
лет отроду, с высшим образованием, отличной карьерой в западной компании и свободным
владением двумя иностранными языками, которые оказались никому не нужны в этом мире.

Тут один из мужчин спросил, кто я такая, на что я назвала свое новое имя.
Сказала, что меня зовут Лорейн Дюваль, и если господа маги хотят, то могу показать свой паспорт и еще бумагу...

Но документами господа маги не заинтересовались. Заявили мне, что я дуреха, и что сегодня мне
нечего делать на улицах. Особенно с ребенком на руках — в Виллерене сейчас неспокойно. Мало

ли, Лилии снова попытаются отбить столицу, а я разгуливаю здесь по улицам!..

На это я хриплым голосом сообщила, что как раз возвращаюсь домой. У меня было небольшое дело в этом квартале, но мне как раз очень хочется убраться с улиц...

— Где вы живете, мадам Дюваль? — любезно поинтересовался один из магов.
♣— Квартал Солейр, улица Острых Клинков, — чуть замешкавшись с ответом, отозвалась я, подавив приступ панической атаки.

На миг мне показалось, что адреса из памяти уже не выловить, но мне все-таки это удалось.

Кивнув, один из мужчин вскинул руку, на что я непроизвольно отшатнулась, потому что внутри снова взвыли инстинкты Лорейн, решившие, что он сейчас меня ударит. Потревоженная резким движением Анаис проснулась и всхлипнула, а я обругала себя за дурость.

Бить меня никто не собирался.

Вместо этого с руки мага сорвалось синее пламя. Пролетело по воздуху пару метров, затем сжалось в точку, которая в следующий миг беззвучно взорвалась, разбегаясь в разные стороны. Наконец, пламя застыло в виде пылающего синего кольца чуть выше человеческого роста, а я посмотрела на мага широко раскрытыми глазами.

— Это настоящее чудо! — сказала ему восхищенно.

— Идите уже, мадам Дюваль! — отозвался он, судя по довольной улыбке, вполне польщенный моей реакцией. — И вот еще, найдите своему ребенку доктора! С девочкой что-то не так, я даже отсюда это чувствую.

Снова вскинул руку, проведя ею над Анаис, на что моя дочь прижалась ко мне еще сильнее.

Хотела было спросить, какому доктору мне ее показать, но не успела, потому что маги развернулись и отправились по своим делам — куда более важным, чем решать мои проблемы. А я осталась, уставившись им вслед, понимая, что они и так проявили достаточно доброты — открыли для меня портал, похоже, напрямик на улицу Острых Клинков.

И я решила не искушать судьбу.

Кажется, Лорейн уже ходила через такие штуки вместе с мужем, так что страха я не ощущала. Поэтому, пожав плечами, шагнула в синее кольцо.

Не успела я моргнуть или удивиться, как... очутилась совсем в другом месте.

Кольцо за моей спиной тут же принялось сжиматься, затем и вовсе исчезло, а я осталась стоять на широкой, вымощенной булыжниками улице, по обе стороны которой высились каменные особняки.

2.3

К тому же, вдоль проезжей части протянулись тротуары, а на них стояли фонари. Одно это свидетельствовало о том, что я попала в престижный район.

Правда, фонари пока еще не горели, хотя стремительно вечерело. Людей тоже не было.

Как оказалось, только на первый взгляд.

– Побереги-ись! – прикрикнул на меня непонятно откуда взявшийся возница, и я отшатнулась, пропуская карету с запряженной в нее четверкой вороных.

Экипаж свернул на следующую улицу, а я побрела дальше, поглядывая на темные окна особняков.

Большая часть из них была закрыта ставнями, оставшиеся затянуты черной материей, и мне почему-то подумалось, что сейчас на этой улице никто не живет.

Так и есть – память Лорейн внезапно подсказала, что обитатели Острых Клинков давно покинули терзаемую мятежом столицу. Спешно уехали из города, опасаясь за свою жизнь, решив дожидаться лучших времен подальше от Виллерена.

Вот и я... Вернее, Лорейн тоже просила Флорена их отпустить – ее и Анаис, – в загородное имение, потому что в столице опасно, но муж остался непреклонен. Самонадеянно заявил, что Лилии непременно победят. К тому же, она – его жена, они будут вместе в радости и горе, как и завещали им Боги.

А если она не согласна, то пара затрещин вернет ее в чувство.

Вздохнув, разогнала тяжелые воспоминания и побрела дальше. Знала, что уже скоро – стоит сойти с пригорка, – появится светло-серый дом с маленькими башенками и ухоженным садом. Там, под дубом, стояла скамейка, на которой Лорейн любила читать стихи, грезя о несбыточном – о любви, которой ей не довелось испытать, – а рядом с ухоженными клумбами и зарослями рододендронов маленькая Анаис сделала свои первые шаги.

▲Зато теперь Анаис порядком подросла и давно уже оттягивала мне руки! Настолько, что я почти их не чувствовала. Да и про спину тоже не могла сказать ничего хорошего...

Не выдержав, я все же уселась передохнуть на край каменной ограды, окружавшей один из особняков. Потревоженная Анаис завозилась. Затем ее рука – девочка так и не открыла глаза, – снова потянулась к моей шее и вытащила из-под серого ворота платья тот самый маленький ключ на цепочке.

Сжала его в кулачке – мне показалось, что Анаис сделала это инстинктивно, словно привыкла к этому ключу чуть ли ни с самого рождения, – и успокоилась. А я подумала, что понятия не имею, открывал ли он что-нибудь или же это был простой кулон.

Принялась терзать память Лорейн, но она не стала мне в этом помощницей.

Впрочем, ноги скоро отдохнули, и я побрела себе дальше, чтобы уже в ближайшем времени увидеть нужный дом. Тот самый, с двумя маленькими башенками на светлом фасаде, окруженный кованым забором, за которым стоял дуб и зеленела лужайка с клумбами и рододендронами.

В груди всколыхнулось тепло, и я прибавила шаг, поспешив к железной калитке.

Но, как оказалось, в нее мне не войти, потому что дорогу преградили твои в черной форме Клинок, до этого расположившиеся в саду.

Нет, они не были магами, но мечи на перевязи никто не отменял. К тому же, любезными они быть не старались.

– Кто такая?! – хмуро поинтересовался первый, а я уставилась на его руку, скользнувшую на эфес.

Внутри всколыхнулся страх. Мой или же Лорейн – поди тут разбери!..

– Меня зовут Лорейн Дюваль, – сказала ему, все же решив, что они не станут убивать женщину со спящим ребенком на руках. По крайней мере, пока не поговорят. – Это мой бывший дом. Моя дочь больна, и я всего лишь хочу...

Но не договорила.

2.4

– Пошла вон! – с ненавистью произнес второй. – Я тебя узнал!.. Ты, подстилка Лилий!

На это я резко выдохнула, словно меня ударили под дых.

– Как вы смеете?! – заявила ему.

Чуть ли не с треском захлопнула рот, потому что по их глазам поняла, что они смеют, и еще как! И если я начну возмущаться, то они возьмут и зарубят нас здесь, рядом с калиткой дома де Эрве, вместе с маленькой Анаис.

Потому что этот дом уже не мой, и чтобы оттуда хоть что-то взять, мне придется смиренно просить у этих самых... Клинков.

Поэтому я попросила.

– Мне всего лишь надо переодеть ребенка, – сказала им, постаравшись, чтобы мой голос прозвучал как можно жалобнее. – Моя девочка больна, и я... Мне нужно показать ее доктору. Но нам негде переночевать. Если в доме остаться нельзя, то на заднем дворе есть пристройка. Быть может, вы позволите?..

Но они не позволили. Вместо этого посоветовали мне пойти и сдохнуть в канаве вместе со своим выродком. Потому что за те несколько месяцев, когда Лилии дорвались до власти, они сотворили слишком много зла.

Казнили без суда и следствия тех, кто оставался верен Истинному Королю или же сомневался в словах глашатаев, трубивших на всех площадях Виллерена, что король Хуго мертв. Устроили кровавый террор не только в столице, но и по всей стране.

К тому же, мятежники несколько раз подсылали своих убийц к Истинному Корол. А ведь он герой, он был за Стеной и воевал с Черными, чтобы не пропустить их на территорию Арвейна! Но пока он проливал свою кровь вместе с солдатами, предатели-Лилии объявили о его смерти...

– Но я же не предавала Истинного Короля! – выдохнула в ответ. – Это сделал мой муж, он во всем виноват!.. Но Флорен мертв, а моя совесть чиста. К тому же, со мной моя дочь. Ей всего-то шесть лет, в чем она в чем виновата?

Оказалось, по негласным законам Арвейна вина лежит на всей семье де Эрве, и мне еще повезло, что осталась в живых. Но если я сейчас же не уберусь с их глаз долой, они это исправят.

– Пошла вон! – разжал губы третий из Клинков, до сих пор молчавший. – Я знавал

вашего мужа,
леди де Эрве! — голос был наполнен ненавистью. — Он возглавлял отряд карателей
Лилий, поэтому
я желаю вам сдохнуть так же мучительно, как и мой брат. А это богомерзкое место,
— он кивнул на
особняк де Эрве, — сможет спасти только Очистительный Огонь!

На это я кивнула, после чего, развернувшись, отправилась дальше по улице,
нисколько не
сомневаясь в том, что вещей из дома мне уже никогда не забрать. В скором времени
от них ничего
не останется — потому что родовое гнездо де Эрве сгорит дотла.

Только вот умирать, как мне пожелали, я не собиралась. У меня на руках больной
ребенок — какое
тут умирать!

Поэтому я брела по улице, размышляя, куда нам теперь податься.

Анаис все так же спала, жарко сопя мне в ухо. Моя спина давно уже отвалилась, а
руки оттянулись
до земли. Солнце — и одно, и второе — касались крыш домов, и я подумала, что
если не появится
третье солнце — а оно не появится, выдала мне ответ память Лорейн, — то скоро
наступит ночь.

Судя по всему, холодная — уже сейчас я чувствовала ее приближение.

Теплой одежды у нас нет. Бродить по улице всю ночь я не смогу. Упаду где-нибудь
в той самой
канаве, где нам посоветовали сдохнуть.

Идти тоже было некуда, потому что друзей у нас не водилось.

Вернее, у Лорейн их никогда не было — муж полностью ее контролировал, заперев в
доме на улице
Острых Клинков. Иногда в особняке проходили приемы, на которых присутствовали
соратники
Флорена. Но те либо погибли, защищая дело Лилий, либо все еще строили свои
планы, как вернуть
себе власть и продолжить террор.

Нет, идти к ним я уж точно не собиралась!..

К тому же, я не сомневалась в том, что на допросе под магическим заклинанием
Лорейн выложила
Эдварду Блейзу все, что знала, вплоть до последнего имени. И это явно не пойдет
на пользу ее
репутации среди Лилий.

Наверное, когда-то у Флорена были и другие друзья — сейчас стоявшие на стороне
Клинков, — но я
ничего о них не знала. Но даже если бы я и выцарапала их имена из памяти Лорейн,
не было

никакой гарантии, что они не обольют нас с Анаис презрением или же не прогонят, заявив, чтобы мы...

Вздохнула.

Ну уж нет! Мы с Анаис обязательно выживем, и пусть все все наши враги хоть подавятся!..

Правда, существовали еще и родственники самой Лорейн, но ее память старательно их отвергала.

Было что-то такое, из-за чего она не хотела о них даже думать.

И я решила, что тоже не стану.

Вместо этого пойду и разыщу нам с дочерью гостиницу или же постоянный двор. Найду комнату, где переночевать, — у нас были деньги, — да и поесть бы нам не помешало. А потом попробую решить вопрос с доктором...

— Леди де Эвре? — внезапно за моей спиной раздался чей-то негромкий голос, на что я, дернувшись, повернулась.

Признаюсь, слишком резко — но жизнь здесь такая, непонятно, чего ожидать!

Я как раз была в узком проулке — шла по городу в сторону центра, успев привыкнуть к тому, что улицы вымерли, словно здесь случилась катастрофа или же мор, — и никого нет. А теперь, оказалось, меня нагонял высокий светловолосый мужчина.

Нагнал — на нем был запыленный плащ, под которым скрывалась темная одежда. На лбу — глубокая, но успевшая едва затянуться ссадина, и кровь размазалась по молодому, вполне привлекательному лицу.

♣Но рана не помешала ему улыбнуться, сверкнув васильковыми глазами.

Маг, догадалась я.

Да, он маг, я чувствовала исходящие от него вибрации и видела слишком яркий цвет его глаза.

Тут сердце заколотилось куда быстрее, потому что на меня нахлынули воспоминания Лорейн.

Она знала этого человека. Его звали Анри Бесколь, и они уже несколько раз встречались. Он приезжал на те самые приемы, которые устраивал его муж, и этот самый Бесколь был среди заговорщиков-Лилий.

Кажется, Анри был равнодушен к Лорейн и оказывал ей знаки внимания, и он тоже

ей нравился.

На большее она и не решалась, лишь втайне мечтая о нем на скамейке возле старого дуба.

– Леди де Эвре, погодите!.. Не пугайтесь, это я, Анри!

– Я и не собиралась, – сказала ему, на что он взглянул на меня удивленно. – Не думаю, что меня уже можно чем-то испугать.

– Я друг вашего мужа... И ваш тоже, – добавил он. – Вы должны мне доверять!

– Разве друзья моего мужа не погибли вместе с ним, когда столицу захватили Клинки? – пожалала я плечами.

– Многие ушли к Богам, – согласился со мной Анри. – Остальные отступили, но пока еще ничего решено. Слишком рано нас хоронить! У нас есть хороший шанс повернуть все вспять и взять верх над Клинками.

– И когда уже это будет решено? – спросила у него, признаюсь, на редкость безразлично.

– Этой ночью, Лорейн! – неожиданно произнес он, уставившись мне в глаза. – Этой ночью все решится! Мы обязательно вернем себе город, а потом и королевство. Вот-вот начнется штурм, но на этот раз мы одержим победу, потому что с нами ингары и изморцы. Они уже на подходе к Виллерену, так что чаша весов склонится на нашу сторону...

– С чем вас и поздравляю, – сказала ему, подумав, что пока еще ничего не склонилось – никакая чаша, – и эта встреча, если вдруг нас застанут, подпишет нам с Анаис смертный приговор.

Анри – один из Лилий, мне не поможет даже бумага, выданная Эдвардом Блейзом в Цитадели!

– Мне надо идти, – добавила я. – Желаю вам, Анри... Думаю, вы и сами придумаете, что вам пожелать!

От удивления он открыл рот, словно не ожидал от меня такой реакции и таких слов. Впрочем, мне опять же было все равно.

Ан нет, не все равно!

– Может, у вас есть деньги? – поинтересовалась я, уставившись на него с надеждой, и мне нисколько не было стыдно. Потому что именно они со своим мятежом поставили нас с

Анаис в
буквально безвыходное положение. — Мой муж погиб за ваше, так сказать, правое
дело, а меня с
дочерью выгнали из дома. Моя девочка больна, так что мне нужно...

— Нет, денег у меня нет! — отозвался он быстро, на что я, не удержавшись, все же
добавила:

— Но вы держитесь!

Он кивнул, не поняв моей шутки.

— Да, Лорейн, — заявил мне, — вам осталось продержаться совсем немного! У меня
кое-что для вас
есть. Я разыскивал вас по всему городу, чтобы отдать вот это. — Анри выловил
из-под камзола
мятый свиток. — Это поможет вам с дочерью переждать сложные времена, хотя я
надеюсь, что все
закончится очень быстро, уже этой ночью! Но если вдруг затянется, то... Это будет
место, где я
смогу вас найти.

— Что это? — я взяла свиток, но развернуть со спящим ребенком на руках не
получалось.

— Дарственная на ваше имя. Небольшая собственность в Виллерене. Все, что я смог
для вас
сделать, леди де Эрве! Но вы и сами прочтете... — Затем уставился мне в глаза: —
Лорейн, ваш муж
погиб! Я знаю, вы его не любили, так что теперь у меня появился шанс. Как только
все закончится,
мы с вами сможем быть вместе, потому что я...
♠На это я округлила глаза, неожиданно подумав, что сейчас услышу признание.

Но не услышала, потому что на другом конце переулочка показалась группа мужчин в
черной форме
Клинков. Взгляд Анри изменился — он явно занервничал. Затем заявил, что скоро за
мной придет,
после чего натянул на голову капюшон и словно растворился...

Магия!.. Уверена, он что-то сделал — всколыхнулась невидимая волна, которая
словно отвела мне и
остальным глаза — именно это и помогло ему сбежать.

Зато я никуда не сбежала. Стояла, дожидаясь, когда ко мне подойдут солдаты
Клинков, понимая,
что мне придется держать перед ними ответ.

2.6

Нет, сказала я подоспевшим Клинкам, этот мужчина мне незнаком. Принял меня за
проститутку —
прости его Святая Эрдина! — и предлагал мне всякие пошлости. А у меня на руках
больной

ребенок...

И вообще – я возмущена до глубины души! Почему они не смотрят за тем, что творится на улицах?!

Чувствуя, что завожусь все сильнее и сильнее, принялась им выговаривать, понимая, что вот-вот сорвусь на истерический крик.

Мне все равно, заявила им, что в стране идет гражданская война, в которой сошлись Клинки и Лилии! Я – верная жена и хорошая мать... А из-за этого их мятежа я даже не могу выйти из дома, чтобы ко мне не пристали с грязными намеками!

Вот, все-таки вышла в первый раз, и ко мне сразу же пристали!

А они, brave маги короля Хуго, куда они вообще смотрят?!

На это они посмотрели на меня как на сумасшедшую, после чего, извинившись, отправились себе дальше.

Воевать против Лилий.

А я снова пошла своей дорогой, пока не завернула в очередной переулок. Меня снедало нетерпение – хотелось поскорее развернуть свиток, который протянул влюбленный в Лорейн Анри Бесколь, и узнать, что же мне подарили. По его словам это должно было помочь мне с дочерью продержаться, пока все не закончится.

Ну что же, посмотрим!

Кое-как устроилась на выступающем камне и принялась разворачивать свиток. Впрочем, довольно быстро осознала свою ошибку. Потому что проснулась Анаис и захныкала совсем уж как малышка, а я обнаружила, что она буквально горит – уверена, у нее был жар.

Нет, сказала я себе, кусая от волнения губы, так дело не пойдет! Это придется решать, причем, чем быстрее, тем лучше.

– погоди! – попросила я у дочери. – Посиди немного рядом... Совсем немного, и я снова возьму тебя на ручки. Сейчас мама посмотрит, что нам подарили. Судя по словам влюбленного дяди, этого должно хватить, чтобы продержаться. Но даже если нам с тобой подарили какую-то ерунду, то все равно в хозяйстве пригодится. По крайней мере, мы сможем это продать.

Было темно, Анаис хныкала и лезла на руки, но я все же возликовала, обнаружив,

что могу читать.

О да, память Лорейн меня не подвела — я знала буквы и очень скоро разобрала, что некий Старый

Джон Грехем — так его звали! — по доброй воле и в здравом рассудке передавал Лорейн Дюваль все

права на свою таверну «Сквозняк», находившуюся по адресу улица Ремесленников, 5, что рядом с

Тупиком Слепых.

Внизу стояла печать и подпись. Судя по всему, нотариуса.

— Неплохо! — сказала я Анаис. — Похоже, у нас с тобой появился новый дом со странным названием «Сквозняк».

Вместо ответа девочка снова полезла ко мне на руки.

А еще, кажется, у нас появились очередные проблемы, потому что с другой стороны переулка

возник огромный мужчина — я даже заморгала, пытаюсь осознать его рост.

2.7

▲— Давай-ка, дорогая моя, ты пойдешь ножками! — сказала я дочери, сунув свиток туда же, где

хранила остальные документы — в лиф платья. — Этому дяде, похоже, что-то от нас надо, и мне это

не нравится. — Я с тревогой посмотрела на малышку, потому что «дядя» двинулся в нашу

сторону. — Анаис, если что случится, то беги... Беги со всех ног и прячься!

Но девочка вцепилась мне в руку, и я поняла, что бежать она не собирается.

Наверное, потому что не представляла куда именно.

Вот и я не представляла, поэтому мы с ней поспешили покинуть переулок, чтобы поскорее

оказаться на большой улице. Сперва шли обычным шагом, но мужчина не собирался отставать,

поэтому прибавили скорости.

Только вот он упрямо топал за нами следом, даже когда мы очутились на этой самой большой

улице.

И снова — вокруг ни единой души!

Как назло, никто не собирался выходить из домов по своим делам или же открывать одну из лавок

или магазинов — они так и стояли с темными, стеклянными витринами, — и я впервые увидела свое

отражение в вечернем полумраке — худенькую девушку с темной косой через плечо, державшую за

руку маленькую девочку.

Свое лицо рассматривать не стала — на это попросту не было времени. Шагала все быстрее и быстрее, жалея о том, что никто не интересовался моим существованием. Нет ни одного Клинка или же Лилии — никаких магов, солдат или обещанных мне Анри боев за Виллерен!..

Только закрытые двери и ставни.

Зато преследователь очень даже интересовался — он был совсем близко.

Одет мужчина оказался во все черное, на голове был то ли шлем, то ли странная, с железными пластинами шапка, скрывавшая волосы. Впрочем, больше всего из его внешности мое внимание привлекал здоровенный кинжал на его боку.

— Что вам от меня надо?! — срывающимся голосом спросила у черной громадины, когда он оказался за моей спиной, что я поняла — нам от него не скрыться.

Анаис с трудом держалась на ногах, но если бы я ее взяла на руки, это бы тоже не помогло. Попробуй еще побегай с таким грузом!

— У меня ничего нет! — добавила я. — Я бедна как церковная мышь!..

Соврала — у меня был мешочек с деньгами и дарственная на «Сквозняк», но я не собиралась ничего отдавать. Это было нужно мне самой. Мне и моему ребенку.

Мужчина остановился метрах в трех от меня — и я внезапно поняла, что мне не показалось... У него было то ли врожденное уродство, то ли таким образом проявили себя жуткие последствия незнакомой болезни. Его лицо казалось бледным, черты были грубыми, словно вырубленными из мрамора. Но на этом «художник» не остановился, дорисовав еще и черные кровеносные сосуды по всему лицу.

Я не представляла, что должно было произойти с человеком, чтобы с ним случились подобные изменения!

— Дай-ка мне вот тот камень, — негромко сказала я Анаис. — Нагнись и незаметно сунь мне в руку.

Но девочка не шелохнулась. И тогда я совершенно отчетливо поняла, что придется справляться самой, потому что тут кричи — не кричи, все равно никто не придет на помощь.

Неожиданно вдалеке кто-то закричал — мужской голос, полный ярости и боли. Ему тут же принялся вторить хор таких же... А потом что-то взорвалось, и темнеющее небо

Виллерена
окрасилось яркой вспышкой.

Судя по всему, Клинки и Лилии все-таки сошлись в обещанном Анри бою. Но меня ждал свой собственный.

– Сколько? – спросил у меня мужчина.

Голос был у него неприятным до дрожи.

– О чем ты спрашиваешь?! – выдохнула я.

▲– Сколько ты стоишь? Я заплачу.

– Нисколько, – заявила ему. – Ты меня не за ту принял!

– Все вы так говорите! – прорычал он. – Все, все!.. Я дам тебе сотню дукаров... Это хорошая цена и хорошие деньги! Всего лишь развлеки меня так, как мне хочется. Но и ты сама о таким никогда не забудешь!

– Уж как-нибудь обойдусь и без развлечений, – пробормотала я в ответ, подумав... Вот же озабоченный! – Так что тебе придется поискать их в другом месте!

– Тогда две сотни.

На это я закатила глаза.

– На эти деньги ты сможешь развлечься целых два раза. Но не со мной. Говорю же, иди с миром, добрый человек! – хотя в последнем я серьезно сомневалась

– Вы все продаетесь! – произнес он хрипло. – Вы все, все ваше мерзкое женское, проклятое племя! Продажные девки...

Его голос был пропитан ненавистью, а потом он пошел на меня, и я увидела, как рука мужчины потянулась к поясу с кинжалом. Тут совсем не вовремя Анаис всхлипнула и попыталась спрятаться в моем подоле. Запуталась, мешая нам бежать.

Хотя я понимала, что далеко нам все равно не уйти.

2.8

Я все равно решила поднять Анаис и попробовать с ней убежать, но неожиданно почувствовала, как по моим рукам потекло тепло. Оно родилось где-то в центре груди, а теперь разбегалось по всему телу, хотя больше тяготело к ладоням.

Вернее, принялось стекать к ним по рукам, и я поняла, что это самое тепло было не только осязаемое, но и вполне материальное – потому что я его увидела. Оно собиралось в алые, светящиеся шары над моими ладонями, а затем...

Затем я не стала удивляться на чудо чудное и на приближавшееся к нам чудовище под личиной человека. Мужчина уже вытащил свой кинжал, на что это я вскинула руку и швырнула в него одним из огненных шаров.

С правой ладони.

К удивлению, несмотря на свой огромный рост, мужчина оказался вполне проворным. Отшатнулся, затем зарычал, словно рассерженный зверь, когда магический шар с утробным воем пролетел совсем близко от него. Сгусток огня врезался в каменный дом за его спиной, стек по стене жидким пламенем, оставив за собой черный, обгорелый след.

Впрочем, мужчину это не остановило. Отступить он не собирался, но у меня наготове был уже второй шар, а к опустевшей ладони снова принялась стекаться магия.

– На этот раз я не промахнусь, – пообещала ему. – Можешь считать, что первый был предупредительным выстрелом.

– Магичк-а-а!.. – прохрипел он. – Как я мог так ошибиться?!

– Вот сейчас и узнаешь, как сильно ты ошибся! – заявила ему. А затем добавила: – Пошел вот, если не хочешь сдохнуть!

Он все же попятился.

По мне, слишком медленно и не особо убедительно, поэтому я решила придать ему ускорения – запустила в его сторону еще один шар. На этот раз не хотела в него попадать, сделав так, чтобы сгусток огненной магии пролетел как раз у него над головой.

На это мужчина развернулся и кинулся наутек, а я уставилась ему вслед, размышляя, что это было. Вернее, откуда у меня взялась магия? И еще, быть может, мне все же стоило его прикончить, сделав тем самым этот мир хоть немного чище?

С другой стороны, кто я такая, чтобы карать без суда и следствия?

– Пошли! – сказала дочери, подумав, что разберусь во всем позже, а карательную функцию мне

▲стоит оставить Клинкам. Ну или же Лилиям, пойдя еще разбери, кто из них победит

этой ночью!

Затем, вздохнув, подняла Анаис на руки. – Этот дядя больше нас не потревожит, – пообещала ей. – А если вернется, то мы с ним хорошенько разберемся.

Анаис смотрела на меня полными ужаса глазами, а я подумала, что мне еще надо потренироваться, как успокаивать дочь. Судя по всему, пока что выходило так себе.

К тому же, девочка с момента нашей встречи у цитадели все время молчала – лишь хныкала иногда, но так и не произнесла ни единого слова. Но я знала – помнила! – что она вполне бойко говорила.

Иногда даже слишком много...

Что с ней не так?

Я понятия не имела. Как и то, кем был этот человек со страшным лицом.

– Нам явно попался какой-то очень плохой дядя, – сказала я дочери. – Поэтому давай-ка поскорее отыщем то, что нам подарили. Найдем улицу Ремесленников и Тупик Слепых. Там ты сможешь отдохнуть, а я попробую отыскать для тебя доктора...

Услышав о докторе, Анаис дернулась и захныкала, а я поняла, что в науке общения с детьми мне еще очень и очень далеко до совершенства.

– Не стоит бояться! – заверила я дочь. – Доктор выпишет тебе сладкие порошки, и очень скоро с тобой все будет в полном порядке.

И, сказав это, зашагала с ней в противоположную от средневекового маньяка сторону, отправившись на поиски нового дома под названием «Сквозняк».

Глава 3

♠Глава 3

Вскоре мне начало казаться, что я пробиралась по улицам малознакомого города целую вечность.

Причем, беспокойного города, в котором сошлись в бою Клинки и Лилии. Сражения шли у Северных и Западных Ворот Виллерена. К тому же, Лилиям удалось прорваться к центру столицы – они уже были у королевского дворца и на Ратушной Площади.

Положение дел в столице я узнавала от редких прохожих, с которыми порой удавалось перебраться короткими фразами – да, иногда на моем пути попадались горожане,

которые, как и
я, по стеночкам, пробирались по своим делам или же возвращались домой.

Но никто не знал, как на самом деле обстоят дела, и которая из двух сторон брала
верх в битве за
столицу.

Хотя симпатии, определенно, находились на стороне Клинков.

Мне же было абсолютно все равно.

Если я слышала звуки стычек, то старательно обходила их стороной. Сворачивала на
другие улицы,
убираясь подальше от звона оружия и свиста боевых заклинаний, и уносила свою
девочку.

Время от времени – если выдавалась оказия, – спрашивала дорогу до «Сквозняка».
Потому что,
чем сильнее я уставала, а Анаис все больше оттягивала мне руки, память Лорейн
все меньше шла
мне навстречу.

Это привело к тому, что я окончательно заблудилась и, кажется, бродила кругами
уже второй час.

Иногда мне все-таки отвечали, и я упрямо шла вперед. Несколько раз
останавливалась, чтобы
передохнуть, и принималась тормозить ребенка – потому что мой психоз принял
совсем уж
огромные размеры.

Но девочка начинала хныкать, поэтому я ее успокаивала и шла дальше. Мысленно
просила –
потому что молиться не была обучена... Так вот, я просила у того, кто закинул меня
в этот мир –
были ли это Высшие Силы, Бог, Боги, Святая Эрдина, искусственный интеллект,
инопланетяне,
рептилоиды, – мне все равно кто они!

Кем бы вы ни были, верните меня назад, на Землю!

Но уже вместе с Анаис, потому что это мой ребенок. Я не могу, не хочу ее
отдавать!

Там, дома, я быстро поставлю ее на ноги. Найду лучших врачей, и она обязательно
поправится.
Потом я научу ее любить новый мир; мой город с разноцветными машинами и
блестящими
небоскребами, удобства цивилизации, мультфильмы, смартфоны. У нее будет хорошая
школа, много
друзей и веселые детские праздники.

Анаис будет счастлива, и я... Я тоже буду счастлива, потому что стану для нее
хорошей мамой!

Но никто не собирался меня возвращать, поэтому я брела по уже ночному городу, сбивая ноги о булыжники мостовых и теряясь в лабиринте улиц. Наконец-таки нашла улицу Темных Плащей. Уже знала — мне подсказали, — что на следующем перекрестке нужно будет свернуть на улицу Ремесленников, а там до Тупика Слепых, на перекрестке с которым стоял «Сквозняк», и рукой подать.

Тут пролетевшая неподалеку магическая молния заставила меня прижаться к стене, вырвав из темноты вывеску «Стекольная мастерская». Но стрелять — кидаться магией! — перестали, перешли в рукопашную. Раздался звон мечей, перемежавшийся с криками, стонами и хрипами.

Наконец, все затихло. Судя по всему, кого-то быстро прикончили и отправились дальше по своим делам.

Вот и я тоже пошла.

Неподалеку от перекрестка миновала сомнительное заведение «У тетушки Хло», возле которого в вонючей луже валялись двое то ли в стельку пьяных, то ли павших. Может, это были те самые, которых совсем недавно прикончили в полумраке?..

Оказалось, все-таки пьяные, потому что один из них попытался поймать меня за ногу, заявив заплетаясь голосом, что не прочь со мной поразвлечься. На это я отшатнулась, а потом мстительно пнула грязную руку.

♣— Сперва пропись, — заявила ему, — а потом поговорим о развлечениях!

Несмотря на ужасную ночь, заведение тетушки Хло работало, хотя ставни закрывали окна. Изнутри доносились приглушенные звуки музыки и раскаты смеха, сменявшиеся истощенным женским визгом.

Судя по всему, развлекались как могли.

Я же пошла дальше, на этот раз без приключений добравшись до нужного перекрестка. Свернула на улицу Ремесленников — так гласила висевшая на цепочке надпись под одним единственным на всю округу горевшим газовым фонарем. Примерно через сотню метров после перекрестка обнаружила погруженную в темноту таверну «Сквозняк».

В полумраке сложно было разглядеть название, но я все же ее разобрала.

Выходило, что мы с Анаис добрались до нужного места.

Я окинула взглядом двухэтажное здание, кое-где поросшее казавшимся в свете луны черным
плющом, с двумя бочками у входа и с закрытыми ставнями окнами. Заметила, что на первом этаже
все-таки горел свет — пробивался сквозь щели, — и это меня порадовало.

Значит, внутри были люди, и очень скоро мы с Анаис окажемся в тепле и относительной
безопасности. По крайней мере, мне хотелось в это верить.

— Мы пришли! — сказала я спящей девочке. — Мы добрались до нашего нового дома.

Вместо ответа Анаис продолжала сопеть мне в ухо. Жар явно усилился, и это наполнило меня даже
не тревогой, а ввергло в состояние, близкое к панике.

Но я запретила себе паниковать

У меня нет на это времени, сказала я себе. Мне нужна ясная голова, потому что, пусть мы и
добрались до нужного места, еще неясно, как нас встретят внутри. Но все обязательно будет
хорошо!..

Те, кто находятся за этой дверью, обязательно нам откроют. Они нас впустят — меня и Анаис, а
потом... Я все им расскажу, а позже уже решу, что делать дальше и где искать доктора.

Но тревога меня не отпускала, когда я, кусая губы, поднялась по ступеням и, остановившись на
широком крыльце, постучала в закрытую дверь.

Затем постучала еще раз, потому что никто не спешил мне открывать, хотя я выждала какое-то
время. К тому же, мне казалось, что до этого внутри звучали голоса, но, стоило подать признаки
жизни, как люди замолкли.

Причем, надолго!..

Нет, так не пойдет, сказала я то ли себе, то ли им. После чего, повернувшись спиной к двери,
заколотила в нее уже ногой.

Не собиралась никуда уходить, решив, что отобью себе пятки, но буду стоять здесь и стучать. Хоть
до рассвета, хоть до Первого или Второго Пришествия в этот мир, потому что мне попросту больше
некуда было идти!..

— Открывайте! — крикнула я, когда расслышала чьи-то приближающиеся шаги.

На это хриплый мужской голос крайне невежливо посоветовал мне поваливать к демонам, потому что таверна закрыта.

– Мне все равно, – заявила ему через дверь, – закрыты вы или нет! Открывайте сейчас же, потому что пришла ваша новая хозяйка!

В ответ раздался смехок, но я не собиралась сдаваться.

– Меня зовут Лорейн Дюваль, – сказала я невидимому собеседнику. – У меня есть дарственная от Джона Грехема, подписанная нотариальной конторой «Два Йосера» и заверенная в Ратуше Виллерена. «Сквозняк» теперь принадлежит мне, и вы обязаны меня впустить!

– Старый Джон Грехем умер, – возразил мне тот же самый голос. – А кто ты такая, я понятия не имею, так что убирайся! Ходят тут всякие!..

– Может, и ходят, – согласилась я. – Может, и всякие. Мне глубоко наплевать, что ты не имеешь понятия, кто я такая. Но если ты сейчас же меня непустишь, то я уйду, но в следующий раз явлюсь сюда уже с солдатами. И мне тоже все равно, кем они будут – Лилиями или Клинками, но они выломают дверь и засадят тебя в каталажку. После этого я засушу тебя так, что, поверь, ты серьезно пожалеешь, что не впустил законную хозяйку в ее собственность!

На это мне ответили гробовым молчанием. Правда, тишина затянулась не так уж и надолго.

Потому что раздался скрип отодвигаемого засова, – о, какой сладкий звук! – и у меня отлегло от сердца. Тут дверь открылась, я заморгала от ударившего в глаза яркого света, а затем, еще крепче прижав к себе Анаис, перешагнула через порог своей таверны.

Застыла на пару секунд, привыкая к освещению.

Затем поморщилась, потому что молодой, светловолосый и худощавый мужчина с неровно подстриженной челкой – похоже, тот самый, кто до этого меня допрашивал, а потом все-таки открыл дверь, – оказалось, наставил на меня заряженный арбалет.

– Знаешь что, это уже явно лишнее! – сказала ему.

3.3

Затем мельком осмотрела большое помещение – вдоль стен горело несколько факелов, – увидев

заставленный столами и длинными лавками обеденный зал и отметив пару круглых столиков под уходящей наверх лестницей.

На втором этаже царил полумрак, и я смогла разглядеть только длинный темный коридор, в который выходило несколько дверей. Зато на первом этаже мой взгляд словно магнитом притягивал к себе растопленный камин, наполнявший обеденный зал блаженным теплом.

Это было как раз то, что нужно моей дочери – тепло и покой.

– Убери оружие! Я никому не причиню вреда, – сказала я «арбалетчику».

Потому что он стоял между мной и сказочным раем, всем своим видом показывая, что может в любой момент выгнать меня назад, в ад...

Вернее, на беспокойные улицы Виллерена.

Причем, решительно настроенным здесь был не только он. Потому что рядом с длинной барной стойкой, за которой виднелись ряды бутылок, я увидела еще одного мужчину – высокого роста и крупного телосложения, с рыжеватой неопрятной бородой, спадавшей на мощную грудную клетку.

На нем была мешковатая одежда, а его внушительный живот охватывал замызганный передник. В руке мужчина сжимал огромный разделочный нож.

Повар, решила я. А тот, что с арбалетом, здесь то ли охранник, то ли бармен. Или же одно и другое одновременно.

К тому же, в таверне находились еще и женщины, я насчитала четверых. Две из них были постарше, а еще две оказались совсем молоденькими, в ярких платьях с глубокими даже для моего родного мира вырезами и со взбитыми в пышные прически светлыми волосами.

Я мазнула по этой парочке взглядом, подумав – неужели здесь собрались еще и женщины с... гм... пониженной социальной ответственностью?!

Судя по всему, в таверне вовсе шло закрытое празднество. На одном из столов стояли стаканы, кружки, тарелки с недоеденной едой и початые бутылки. Не хватало разве что блек-джека...

Впрочем, инициативу снова взял на себя мужчина с арбалетом, попытавшись выгнать меня на улицу.

— Какая еще дарственная?! — спросил у меня угрюмо. — Сейчас же показывай, иначе пойдешь вон!

На это я поморщилась.

— У меня больной ребенок, — сказала уже не ему, а подошедшей к нам женщине в годах. У нее оказалось приятное лицо, встревоженные темные глаза и выбивающиеся из-под чепца рыжие пряди. — Сперва мне нужно уложить дочь, а потом я покажу вам все, что потребуется. И вот еще, у моей девочки жар. Быть может, у вас найдется что-то, что поможет его сбить?..

Женщина кивнула. Хотела что-то добавить, но тут снова вскинулся светловолосый с арбалетом.

▲— Эй, погоди! — заявил мне. — Не гони лошадей!.. У нас здесь не богадельня, и мы не пускаем с улицы незнамо кого. Либо документы, либо проваливай!

— Я не с улицы, — заявила ему, — а из особняка покойного лорда де Эрве. Меня зовут Лорейн Дюваль, и все документы у меня с собой. Но сперва я займусь своим ребенком.

Сказав это, направилась к женщине, чувствуя, как каждый мой шаг провожает натянутый арбалет.

— Лорейн, — представилась ей.

— Мария, — отозвалась она, и голос у нее оказался на редкость приятным. Таким же, как и ее улыбка. — Я здешняя экономка, — пояснила она. — Девочку пока что можно отнести в мою комнату. Заварю ей малиновый отвар...

— Нет! — покачалась я головой. — Раз я здесь новая хозяйка, то жить мы будем там, где до этого жил Джон Грехем. Он погиб, поэтому...

Поэтому я собиралась занять хозяйское место не только в управлении таверны. Рассудила, что будет логично, если я поселюсь в его комнате — это сразу же расставит все по своим местам.

Мария, немного подумав, кивнула.

— Пойдемте за мной, госпожа! — сказала мне, на что лицо мужчины с арбалетом скривилось.

Но мне было все равно, нравилось ли ему это или нет, потому что я уже шла за экономкой к лестнице. Впрочем, за нами тут же потянулся тот самый арбалетчик и еще повар. Правда, нож он все-таки опустил.

Две девицы недоуменно уставились на нас из-за столика, но подойти не решились. Еще одна женщина чуть помоложе Марии, – мне показалось, что она приходилась женой повару, – тоже топталась на месте, бросая на мужа недоуменные взгляды.

Явно не понимала, что ей делать и чью сторону принять.

– Мария, не чуди! – все-таки не выдержал арбалетчик. – Ты понятия не имеешь, кто она такая!

– Но уж явно не агент Лилий! – возразила ему экономка. – Кем бы она ни оказалась, Леннарт, у нее на руках больной ребенок. – Затем повернулась к второй женщине. – Эмилия, достань-ка из кладовой сушеную малину и сделай побыстрее отвар. И вот еще что, добавь в него пару ложек меда!

На это Эмилия, немного подумав, кивнула.

– Мне нужна вода, – подала я голос. – Но не горячая, а обычная, комнатной температуры.

Снова кивнув, Эмилия направилась к барной стойке, за которой виднелась приоткрытая дверь. Подозреваю, за ней находилась на кухню.

Мы же поднялись по лестнице на второй этаж и очутились в длинном проходе.

Пока шли, я насчитала пять выходивших в коридор одинаковых дверей. Подумала, что за ними, скорее всего, находились комнаты на сдачу, но, судя по пустому обеденному залу, вряд ли сегодня в «Сквозняке» был аншлаг.

Тут Мария свернула направо, и мы оказались в коротком проходе, заканчивавшемся как раз над растопленным камином на первом этаже. В коридор выходила всего одна дверь, рядом с которой, остановившись, экономка выловила из кармана передника связку ключей.

– Леннарт, посвети-ка мне! – приказала она «арбалетчику». Он потопал за нами, прихватив с собой факел, а теперь недовольно сопел у меня за спиной.

Наконец, Мария открыла дверь и шагнула внутрь.

– Подождите, – сказала мне, – пока я зажгу свечи.

И уже очень скоро я вошла в небольшую, заставленную початыми бутылками комнату. Помещение оказалось грязным до невозможности – повсюду валялись огрызки и крошки, но – повезло! – хотя бы крысы не бегали.

– Надо было здесь убрать, – призналась Мария. – Но мы ждали, не объявятся ли наследники, поэтому ничего не трогали, – и кинула на меня быстрый взгляд.

На это я подумала, что решение занять комнату Грехема оказалось не таким уж и хорошим. К тому же, воздух стоял спертым, застоялым, а я не была уверена, смогу ли распахнуть закрытое ставнями окно.

Впрочем, делать уже было нечего – не бегать же по «Сквозняку» под прицелом арбалета, перебирая комнаты и выискивая себе получше? Поэтому, пока Мария зажигала остальные свечи, я уложила спящую Анаис на не первой свежести одеяло.

Если честно, обо было даже и не второй...

Затем с мучительным стоном разогнулась – вряд ли моя спина в ближайшем времени простит мне такое над ней издевательство! – и осмотрела место, которое должно было стать нашим с Анаис домом.

В комнате обнаружилась кровать, стол с несколькими стульями, умывальник в углу, комод и большой сундук. Рядом с умывальником виднелась небольшая дверца, и я подумала, что за ней, возможно, находятся «удобства», и мне не придется бегать на улицу, разыскивая в отхожее место.

Но если так, то... Ну что же, пожалуй, я угадала, а отмыть комнату и выкинуть мусор не составит для меня особого труда.

К тому же, внутри было тепло. Судя по всему, оно шло от стены, за которой проходил дымоход, и это тоже показалось мне еще одним плюсом.

– Дарственная, – напомнил проитивный Леннарт.

Кивнув, я подошла к столу. Отодвинув грязные тарелки и бутылки, развернула два документа – ту самую дарственную и мой паспорт.

У меня был еще один свиток, подтверждавший, что я не причастна к мятежу Лилий, но доставать его я не спешила. Попросят – покажу, а так – зачем бежать впереди паровоза?

Как оказалось, «паровоз» порядком запаздывал.

– Читать-то умеешь? – поинтересовалась я у Леннарта, потому что тот, пристроив арбалет на боку,

уж очень долго и старательно водил пальцем по строчкам дарственной, шевеля губами. — Если что, могу помочь.

— Не надо! — отозвался он резко, и в его глазах промелькнуло что-то... Что-то такое, что мне нисколько не понравилось. — Значит, у «Сквозняка» появилась новая хозяйка? — Это он произнес крайне язвительным тоном, а затем оглядел меня с ног до головы. — Интересно, каким же чудесным образом это произошло? Не припоминаю, чтобы у старины Джона водились хорошенькие племянницы... Если только он не сошел с ума на старости лет и не потерял голову от очередной красивой мордашки... Но, видимо, все-таки сошел, раз уж перед этим примкнул к Лилиям!

— На этот раз я прощу тебе и «красивую мордашку», и твое недоверие, — сказала ему спокойно. — И арбалет, наставленный на меня и мою дочь, я тоже тебе прощу. Но только сегодня, потому что мы все немного не в себе. — Что же касалось меня, то таких «не в себе» еще нужно было поискать! — На твой вопрос я отвечу так — подробности передачи собственности к делу не относятся, а вот дарственная как раз относится. Так что теперь я — полноправная хозяйка «Сквозняка».

Забрала документы и, аккуратно их сложив, снова сунула их в лиф платья.

— Значит, хозяйка! — усмехнулся Леннарт. — Ну раз так, то хозяйке понадобится управляющий, хотя я не уверен, что она, — окинул меня с ног до головы, задержавшись на заляпанном кровью и пыльном подоле, — сможет себе это позволить. А деньги нам бы не помешали, потому что последнее время дела в таверне идут из рук вон плохо.

— Я вижу, — сказала ему. — Особенно это становится заметным, когда работники начинают пить то, что принадлежит хозяину, чтобы скрасить плохие времена. Но этой ночью будем считать, что у нас осадное положение, так что ничего менять я не стану. Вы можете продолжать свое застолье. Зато завтра утром мы начнем новую жизнь...

— Это вряд ли! — усмехнулся Леннарт. — Ничего не изменится, и новая жизнь уже не настанет. «Сквозняку» настал конец, когда Джон Грехем перешел на сторону Лилий. Он не собирался ничего скрывать, раструбив на каждом углу. Это не пошло «Сквозняку» на пользу, так что к нам давно никто не заходит. Наоборот, обходят стороной, словно здесь чумной барак... Думаю, именно

поэтому он и подарил свою таверну вам, госпожа Дюваль! – Судя по лицу Леннарта, это было еще одним безумным шагом старого хозяина. – К тому же, если Клинки победят, а они победят...

Кивнула.

♣– Возможно, – сказала ему, – они и победят.

– Тогда это окончательно добьет «Сквозняк», который и так уже уверенно идет ко дну. Таверне ничем не помочь, – добавил он, – даже если мы поменяем вывеску!

– Возможно, вывеску мы поменяем, – отозвалась я, – но не сразу. И не сегодня. – А затем сказала ему то, что говорила одна из моих любимых героинь. – Я подумаю обо всем завтра. Сейчас мне нужно заняться своим ребенком. И вот еще, Леннарт! Судя по всему, раз уж ты все знаешь...

Он кивнул вполне самоуверенно, и я добавила:

– Ну раз так, то найди доктора для моей дочери. Причем, чем скорее, тем лучше. Деньги у меня есть.

– Доктора? – усмехнулся он. – Этой ночью в Виллерене даже священника не отыскать! Все доктора либо в госпиталях, либо сидят забившись словно тараканы в свои щели, дожидаясь, когда все закончится.

– Значит, не найти? – покусала я губы.

– Не этой ночью, – подтвердил он. – Но если мы ее переживем, в чем я серьезно сомневаюсь, – потому что даже через закрытые ставни до нас донесся звук взрыва, и я поняла, что бой за столицу приближался к улице Ремесленников, – вот тогда я и поищу для вас доктора. – Затем добавил язвительно: – Госпожа Дюваль!..

– Зови меня Лорейн, – отозвалась я, подумав, что с Леннартом разберусь позже. Демоны, я со всем разберусь позже, иначе мой мозг попросту взорвется!.. – Ну раз доктора отыскать ты не сможешь, тогда...

Он уставился на меня насмешливо, а я приказала:

– Тогда выйди из комнаты, а по дороге прихвати с собой пустые бутылки. И эти грязные тарелки тоже. Развели здесь свинарник!

На это Леннарт моргнул. Хотел что-то сказать, но, наткнувшись на мой взгляд,

передумал. Собрал
то, что я ему приказала, после чего покинул комнату.

3.5

Я же вернулась к Анаис. Девочка все так же спала, щеки у нее были красными, а дыхание сиплым.
Осторожно усевшись рядом, я стянула с ее ножек башмачки. Затем задумалась, размышляя, как
снять с нее платье.

Конечно же, ни молний, ни застежек нигде не было – я угодила в непонятно какое
средневековое. Пуговиц тоже не обнаружила, зато нашла завязки, в которых
попробуй еще
разобраться!..

– Позвольте мне, госпожа! – произнесла Мария, до этого молчаливо наблюдавшая за
нашей
беседой с Леннартом, а потом за моими попытками разобраться с одеждой дочери.

И я позволила, извинившись за то, что все еще немного не в себе.

– Муж погиб у меня на глазах, – сказала ей. – Затем меня несколько часов подряд
допрашивали в
цитадели. Маги что-то сделали с моей головой, из-за чего я... – Не договорила, но
Мария поняливо
покивала. – Наверное, Анаис там и простыла, в их казематах... Или же все еще не
может
оправиться после того, что увидела.

Потому что все произошло на ее глазах.

– Бедная деточка! – произнесла Мария с жалостью. Затем добавила: – У меня тоже
есть сын, но
он, слава Богам, уже вырос и обзавелся собственной семьей. А муж мой давно
сгинул... Зато у
Эмили с Олафом есть мальчишка примерно такого же возраста, как ваша дочь.

– Анаис, – подсказала я. – Ее зовут Анаис. Значит, будет ей друг. – Затем
добавила: – Маги
Клинков хорошо поковырялись у меня в голове, но, по крайней мере, они
удостоверились, что я не
причастна к заговору, и меня отпустили. Правда, после этого у меня все еще
путаются мысли. Я
много забыла, но надеюсь, что очень скоро это пройдет.

Соврала, понимая, что ничего уже не пройдет, и, скорее всего, я больше ничего и
не вспомню о
жизни в этом мире, потому что связь с настоящей Лорейн оборвалась еще у особняка
на улице
Острых Клинков.

♠Но это было, пусть заваливавшееся, но все-таки объяснение моим странностям.

Тут в комнату, постучав, вошла Эмили. Принесла небольшое блюдо с водой и глиняную кружку с дымящимся отваром. Поставила все на стол, где совсем недавно я показывала Леннарту дарственную, и уставилась на меня вопросительно.

Я же, взглянув, как Мария раздевала мою дочь, а Анаис хныкала в полудреме, спросила у Эмили:

– Те две девицы внизу, кто они такие? Не сказать, что они похожи на кухарок.

– И на подавальщиц они тоже не слишком похожи, – ворчливо отозвалась Мария. – Это Аня и Фрея. Они с севера, из Зардана, приехали в столицу на заработки. Устроились неподалеку, в «Тетушку Хло». Это... – она поджала губы.

– Я знаю, что это такое, – сказала ей. – Видела по дороге. Там было довольно весело. Странно, почему же тогда они здесь, в «Сквозняке», а не в своем заведении?

– Жалуются, что их постоянно обижают другие девчонки. Избивают и требуют, чтобы они убирались в свой Зардан. Поэтому, пользуясь добротой Джона – а он всегда был слишком добр и доверчив! – они стали приходить сюда.

– Подрабатывали? – поинтересовалась я.

– А почему бы им не подрабатывать, раз уж комнаты все равно пустуют? – вскинулась Эмили. – Нам надо как-то жить и кормить детей, а дела в таверне идут из рук вон плохо!..

Мария взглянула на нее неодобрительно, но затем все же согласилась:

– Да, в последнее время дела идут так себе.

– То есть, при Джоне здесь было что-то вроде... борделя?

– Нет, – покачала она головой. – Это произошло уже после того, как Джон отправился воевать за Лилии, а в «Сквозняк» перестали заглядывать даже постоянные посетители.

– Ясно, – отозвалась я, после чего заявила: – Все это осталось в прошлом. При мне борделя здесь больше не будет.

Мария взглянула на меня с интересом.

– Как скажете, госпожа! – склонила она голову.

После чего мы занялись Анаис.

Я обтерла ее худенькое тело – кожа да кости, – водой, на что проснувшаяся

девочка захныкала.

Принялась было отбиваться, но мы с Марией в два голоса ее уговорили, что так надо. Экономка собиралась было ее укрыть – Эмилия принесла чистое одеяло и покрывало, – но я покачала головой.

Сказала, что не стоит. Нужно, чтобы спал жар, поэтому пусть влага испаряется.

Затем мы принялись уговаривать Анаис выпить малинового отвара, послащенного медом. Наконец, девочка сделала несколько глотков, закрыла глаза и без сил откинулась на подушку.

Я же, поблагодарив Марию, сказала ей, что теперь она может идти. Мне больше ничего не нужно, если только принести попить. Затем устроилась на кровати рядом с дочкой, с тревогой вглядываясь в ее лицо.

Вскоре мне начало казаться, что жар стал понемногу отступать. К тому же, Анаис снова проснулась и принялась играть с кулоном на моей шее, и я уговорила ее сделать еще несколько глотков малинового отвара. Она покорно отпила из кружки, ее глаза снова стали закрываться, и девочка заснула.

На этот раз она дышала значительно спокойнее, чем когда я несла ее по городу.

– Пусть спит, – сказала пришедшая с подносом Мария. Она принесла для меня чай, а еще нарезанный хлеб с сыром, сказав, что мне не помешает немного подкрепиться.

И я, поблагодарив ее, кивнула. Поднялась с кровати, перед этим накрыв девочку серым покрывалом. Эмилия уверяла меня, что оно чистое, хотя от него явно несло табачным дымом. И я подумала – интересно, как здесь обстоят дела со стиркой? И еще, где нам раздобыть новую одежду, потому что старая никуда не годилась? ♣Ответы на эти вопросы я не знала, но решила, что подумаю об этом позже...

Позже во всем разберусь!

Взяла кусок хлеба с сыром, собираясь уже положить его в рот, как услышала звон разбитого стекла на первом этаже, за которым последовали мужские голоса, изрыгавшие проклятия.

И я решительно отложила бутерброд в сторону, подумав, что поем и посплю в другой раз. Теперь это моя собственность, мне и разбираться, что произошло!

Глава 4

▲Глава 4

Мы с Марией поспешили к лестнице, ведущей в обеденный зал. Возле нее, перегнувшись через перила, я кинула взгляд вниз. Увидела Леннарта с арбалетом в руках, двух девиц легкого поведения, жавшихся в углу, и Олафа с разделочным ножом.

Но в что же случилось?

Рассмотреть не успела, потому что столкнулась с Эмилией. Оказалось, она спешила вверх по лестнице за мной – логично, раз уж я здесь хозяйка! Но звать меня не пришлось, зато я сразу же обратилась к ней с просьбой. Попросила присмотреть за моей дочерью, потому что наконец-таки заметила проблему...

Оказалось, окно нам вынес здоровенный светловолосый воин – створки ставен висели вкривь и вкось, держась только на добром слове и открывая обзор на темную улицу, на которой совсем близко к таверне шел бой.

Очень близко – потому что я снова увидела ярчайшую вспышку, после чего раздался холодящий свист магического заклинания.

Выходило, один из участников уличных боев оторвался от своих – вернее, был ранен и выбрал место, чтобы преспокойно умереть в «Сквозняке». Лежал себе на полу, истекая кровью...

Хотя нет, он все же оказался жив – что-то прорывав, попытался подняться на ноги.

– Мы закрыты! – заявил раненному Леннарт, привычно не собираясь проявлять милосердия.

Вместо этого наставил на него арбалет. – Убирайся, сейчас же!

На это светловолосый воин оскалится. Не обращая внимание на арбалет, он все-таки поднялся – правда, удалось ему со второй попытки, но помог огромный меч, который сейчас служил незнакомцу клюкой.

Опершись на него, он обвел таверну взглядом из-под спутанных волос.

Я тоже посмотрела.

Незванный гость оказался молод, небрит и несказанно брутален; светлые пряди спадали на его вполне привлекательное лицо. У него был крепкий, уверенный рот, на миг искривившийся в болезненной гримасе, когда мужчина попытался сделать шаг.

Направлялся он явно к бару.

Я же прикусила губу, раздумывая, как мне поступить.

Выбитое стекло, поломанные ставни и идущий на улице бой говорили против незваного гостя. К тому же, нам не стоило вмешиваться в противостояние Клинков и Лилий и навлекать на себя проблемы – тут бы выжить, переждать эту ночь!..

Зато «за» выступал огромный меч – мне казалось, что, несмотря на свои раны, у светловолосого воина вполне хватит сил его применить, если мы попытаемся выставить его вон.

Тут взгляд незнакомца наткнулся на меня – я к этому времени успела спуститься в обеденный зал, – и... порядком задержался. Мужчина оглядел с ног до головы, затем одобрительно присвистнул, пробормотав что-то на чужом языке.

По крайней мере, Лореин этот диалект был незнаком.

– Если изморца не впускают в кабак через дверь, он входит в окно, – заявил он ткнувшему в него арбалетом Леннарту уже на арвейнском, но мое ухо уловило легкий акцент. Да, черт побери, теперь я разбиралась в нюансах чужого языка! – Подайте-ка мне выпивки, да побыстрее! Самой крепкой вашей бурды, пока меня не прикончили!.. – Тут он заметил двух девиц с пониженной социальной ответственностью и улыбнулся уже им. – О, здесь есть и еще дамы! Выпивку всем за мой счет!..

Потянулся к поясу, где, подозреваю, хранился кошель с деньгами, но, поморщившись, пошатнулся.

Впрочем, не успели «дамы» воспрянуть духом, как через выбитое окно до нас донеслись крики и звон мечей, но на этот раз куда ближе предыдущего, и они снова вжались в свой угол. У меня же зашевелились от ужаса волосы на затылке – в буквальном смысле этого слова, – потому что уличные бои, получалось, шли у самых стен «Сквозняка»!

К тому же, светловолосый воин покачнулся и явно засобирався упасть к моим ногам. Нет, вовсе не [▲]сраженный моей... гм... неземной красотой, а потому что его правая штанина насквозь пропиталась кровью от бедра до самой стопы, да и рубаха с прорехой на груди не собиралась от нее отставать.

– Держите его, он же сейчас грохнется на пол! – воскликнула я, понимая, что, если кинусь ему на

помощь, то здоровенный незнакомец попросту придавит меня своим весом и дело с концом. — Олаф, скорее!..

— Погодите! — снова вмешался Леннарт. — Сперва надо спросить!.. Ты за кого, — обратился он к раненному, — за Клинки или за Лилий?!

Вместо ответа гигант все же начал падать, но его, крикнув, подхватил Олаф.

— Ясно же, что за Клинки! — заявил он Леннарту недовольно. — Это же изморец, посмотри на него!.. Наемник, они всегда стояли за Истинного Короля.

На это я подумала, что не знаю, кто такие изморцы, зато знаю, на чьей стороне повар.

Как оказалось, его жена не слишком-то разделяла политические воззрения мужа.

— Вышвырните его на улицу! — раздался визгливый голос Эмили, которую я отправила следить за своей дочерью, а вместо этого она стояла на лестнице и смотрела на нас сверху вниз. — Нечего ему здесь делать! У нас и без него своих проблем хватает!

Вместо этого мужчины дружно повернули головы в мою сторону, дожидаясь вердикта новой хозяйки «Сквозняка».

4.2

— Отнесите его в пустую комнату, — приказала им. — Надо заняться его ранами.

Оставалось только придумать, как это сделать, и кто этим займется. Впрочем, было еще кое-что.

— Мария, — повернулась я к экономке, — надо поскорее смести стекло и убрать следы крови. — Она кивнула, а я задумалась, куда нести раненного. — На второй этаж вы его вряд ли дотащите, — сказала мужчинами, — да и кровью он здесь все зальет, так что...

— Можно в нашу комнату! — с готовностью произнес Олаф, на что его жена тут же принялась громко протестовать.

Но повар рыкнул недовольно, и Эмилия закрыла рот.

Я кивнула, после чего Олаф с недовольным Леннартом поволокли потерявшего сознание незнакомца куда-то в дальний угол обеденного зала. Оказалось, там, за камином, был еще один проход, в который выходило несколько комнат. В одну из них мы как раз и вошли — это было

жилище повара и его жены.

Почти все пространство небольшой клетушки занимала огромная кровать – потому что Олаф был внушительного роста и такой же комплекции. Оставшегося места хватило лишь для притулившегося в углу комода, пары сундуков и маленькой софы вдоль стены – я вспомнила, как Мария говорила о сыне Олафа и Эмилии.

Правда, мальчика сейчас в комнате не было. Зато повсюду стояли бутылки – пустые и початые.

– Неплохо вы проводите время, – похвалила я. – Девочки по вызову и бесплатная выпивка!..

– Джон умер две недели назад, – пожал плечами Олаф. – Мы не знали, что с нами будет дальше. Что еще оставалось делать?

Вопрос был риторическим, и отвечать на него я не стала. Вместо этого стояла и смотрела, как мужчины тащили раненного, а потом пытались уложить того на кровать. Вернее, разжали руки, и он со стоном упал на смятую постель.

И я отстраненно подумала, что белье придется отстирывать от крови.

– Очнулся! – кивнула я, разглядывая искаженное болезненной гримасой лицо изморца. – Надеюсь, это знак свыше, что ты все-таки будешь жить... Правда, доктора сегодня не достать, а в госпиталь мы тебя все равно не дотащим, – сообщила ему. – Выйти сейчас на улицу было бы самоубийством, поэтому нам придется самим заняться твоими ранами. Иначе ты истечешь кровью.

В ответ он пробормотал что-то на своем языке, и я решила, что это согласие на экзекуцию.

Оставалось только решить, кто будет ее проводить. Я взглянула на Леннарта, но тот, отшатнувшись, покачал головой, заявив, что он не притронется к изморцу и пальцем.

И вообще, это женское дело – шить мужские раны!

Повар тоже заявил, что он больше по мертвому мясу, а шток по живому – это не для него. К тому же, при виде крови ему становится дурно.

Эмилия, ясное дело, откажется, да еще и с криками, это я прекрасно понимала. Оставалась надежда только на Марию...

Но тут в дверь «Сквозняка» забарабанили, и дурно стало уже мне.

4.3

Потому что на миг мне показалось, будто бы в дверь таверны застучали прикладами ружей. Не успела я всесторонне обдумать мысль, что прикладов и ружей в этом мире, скорее всего, еще не изобрели, как раздался оглушительный взрыв.

Мы переглянулись – судя по всему, дверь в «Сквозняк» перестала существовать. К тому же, раздался дружный визг «дам» в обеденном зале, а я подумала...

Демоны меня побери, если к нам не вломились маги!

– Это за ним пришли, – кривясь, заявил мне Леннарт, кивнув на попытавшегося снова потерять сознание воина. – По его душу, но достанется всем нам!.. Если явились Лилии, то здесь они всех прикончат... Говорил же, надо было сразу его пристрелить!

Ничего такого он не говорил, но препираться с Леннартом у меня не было времени. Вместо этого я судорожно пыталась придумать, как нам выйти из этой ситуации. А он меня отвлекал, задавая свои вопросы!

– И что мы делать будем, госпожа Дюваль? – поинтересовался Леннарт ядовито, но глаза у него были встревоженными.

Тут в комнату Олафа вбежала переполошенная Мария.

– Нельзя, чтобы его нашли! – заявила мне. – Это маги Лилий, они только что взорвали дверь своим заклинанием!..

– Я могу попробовать унести его через черный ход, – предложил Олаф, но я покачала головой, понимая, что уже слишком поздно.

Лилии в таверне и своего они не упустят.

– Задержите их, – приказала я, взглянув на повара, а затем на бармена. Или же охранника, поди еще разбери, кем был Леннарт в «Сквозняке» – Придумайте что-нибудь! Мне нужно ровно три минуты.

– Чтобы сбежать?! – усмехнулся он. – Отличная идея, госпожа Дюваль!

– Нет, не для этого, – сказала ему, потому что вовсе не собиралась никуда сбежать.

Да и куда я побегу, если на втором этаже у меня больной ребенок, а идти нам с Анаис больше некуда?!

– Скорее! – приказала им, затем вытолкала всех из комнаты.

...Явилась я в обеденный зал ровно через три минуты, как и обещала Леннарту. Ну, быть может, через четыре.

Оказалось, что по первому этажу расхаживали наглого вида четверо. Одеты они были во все черное, но на плече у каждого алела лилия. Оружия у них не было, но я знала, что оно им и не нужно.

Это были маги – люди, обладавшие смертельно опасной «экстрой» этого мира.

Как выяснилось, я тоже ею обладала, но при этом прекрасно понимала, что мои способности и умения смехотворны по сравнению с обученным боевым магом.

Нет же, мне нужно было найти другой выход!

Постараться решить эту проблему, убедив магов Лилий, что мы ни к чему не причастны, а раненный вовсе не раненный, после чего выставить их вон. И ни в коем случае не рассказывать, что мой муж тоже был из Лилий...
▲Это поставит меня на другую сторону баррикад от своих собственных работников, которые явно радели за Истинного Короля. Мне хотелось обойтись без этого.

По крайней мере, жалостливый рассказ о погибшем от рук Клинков Флорене де Эрве я решила приберечь на самый крайний случай. Потому что понимала – нам с Анаис еще здесь жить.

Если, конечно, мы выживем.

4.4

– Кто вы такие? – холодно поинтересовалась я у пришлых, потому что они уставились на оставленные Марией осколки.

Экономка почти все смела, но в спешке пропустила несколько кусочков стекла. Зато, кажется, всю кровь успела замыть...

– Чья это кровь? – вместо ответа поинтересовался один из Лилий, и я поняла, что не всю.

– Моя, – смело отозвался Олаф. – Повар я, работаю в «Сквозняке» уже шесть лет. Неосторожное

обращение с ножом.

Но свой несуществующий порез демонстрировать Олаф магам не спешил, да и они не заинтересовались.

– Окно кто выбил? – спросил худой, высокого роста мужчина с залысинами на крупном черепе.

– Ваши это сделали! – я все же решила вступить в разговор, подумав, что лучшая защита – это нападение.

– Наши? – повернув голову, хрипло поинтересовался он. – И кто же для вас «наши»?

– А мне все равно, – заявила ему, – кто здесь наши, а кто чужие. Для меня те, кто выбил окно, а потом и двери моей таверны – враги, будь они Лилиями или Клинками. Я только за себя, за свою дочь и за свою собственность. Поэтому уходите, мы сейчас закрыты и никого не обслуживаем! Вернетесь, когда вставим окна и починим двери. Тогда будет еда и выпивка, но за нее придется заплатить... Кстати, и за дверь тоже, – намекнула им.

Теперь на меня, буравя взглядами, смотрели уже все четверо.

– Мы ищем предателя. Изморца, – наконец, произнес один из магов. Он был старше остальных и выглядел порядком уставшим. – Будет лучше, если вы выдадите нам его добровольно. Иначе, если мы его найдем...

Судя по его виду, тогда нам не поздоровится. К тому же, один из его товарищей тут же принялся страшить нас указами короля Дамиана, по которым любое неподчинение Лилиям каралось смертью.

– Ищите, – разрешила им, – но в «Сквозняке» вы никого не найдете! Здесь только мой повар, мой бармен, моя больная дочь и перепуганные женщины. А еще мой мерзавец-муж, который пьет уже целую неделю. Причем, допился до такой степени, что уже не может подняться на ноги!... Свинья! – заявила я в сердцах. – Вместо того, чтобы меня защищать, он опять нажрался!

– Такую красотку я бы и сам защитил, – усмехнулся один из Лилий – крупный, краснолицый, с залихватскими усами.

– Приходи, когда все закончится, – пожала я плечами, – вот тогда и посмотрим, какой из тебя защитник. Только за дверь не забудь мне заплатить!

Услышав про дверь, усач ухмыльнулся. Судя по их виду, платить за порчу имущества никто не собирался.

— Я бы взглянул на мужа, — произнес долговязый, похоже, не особо впечатлявшийся моей речью.

Затем приказал остальным: — Торос, Эрко, общите здесь все!

— Обыскивайте! — вновь повторила я. — Но если вы хоть пальцем тронете мою больную дочь, вам не поздоровится. Я не посмотрю, что вы какие-то там маги!

На это они заверили, что девчонка им не нужна. Они пришли за предателем, потому что Лилии заплатили изморцам, пытаюсь перекупить их верность. А те, обманув их, выступили на стороне Клинков. За это они поплатятся — все единого.

Предателей ждет смерть!

▲Пожав плечами, сделала приглашающий жест, на что худой заявил, что они обойдутся и без моего разрешения. На это я отправилась к комнате Олафа, затем распахнула перед магами дверь.

— Полюбуйтесь! — заявила долговязому и усачу, притопавшим за мной.

Они вошли и полюбовались.

...В комнате стоял удушающий запах алкоголя — потому что я вылила на кровать и на пол почти две бутылки чего-то крайне крепкого.

Судя по всему, дешевого бренди.

На кровати, высунув из-под темного одеяла здоровую руку, храпел — очень убедительно, надо признать, — тот самый светловолосый воин. Содержимым бутылки я стерла с его лица следы крови.

Больше приукрашивать ничего и не пришлось — из-за своей раны и разлитого повсюду алкоголя он выглядел и пах соответствующе — как заядлый пропойца.

— Вот, посмотрите! — Мое сердце бешено стучало, но я старалась играть свою роль как можно убедительнее. — На улицах творится незнамо что, а этот опять напился!.. Томас! — позвала его. —

Томас Дюваль, ну ты и свинья!

На это изморец пробормотал что-то нечленораздельное, затем хрюкнул вполне достоверно, и меня не осталось никаких сомнений, что ему было прекрасно знакомо состояние, которое он пытался изобразить.

Еще немного постояв, маги переглянулись, после чего вышли из комнаты. К ним присоединились и те двое, которые обыскивали второй этаж, заявив, что там пусто. Лилии засобирались было покинуть «Сквозняк», и тут я не выдержала:

— Эй, почтенные господа! — крикнула им вслед. — А за дверь-то кто мне заплатит? И окно тоже ваши выбили!..

— Боги подадут! — заявил мне один долговязый, на что тот, третий, собиравшийся заменить мне мужа, подмигнув, заявив, что мы скоро встретимся.

— Денег нет, но вы держитесь, — пробормотала я.

Впрочем, Лилии не расслышали, покинули таверну.

4.5

Ушли, а я осталась. Повернувшись, увидела, как Олаф берет непечатую бутылку с полки, а Леннарт ставит на барную стойку стаканы. Сперва два. Затем, посмотрев на меня, достал еще и третий.

Но я покачала головой.

Мне нужен был ясный ум и трезвая голова, потому что эта ночь еще не собиралась заканчиваться.

— Дверь, — сказала я Леннарту. — Окно, — это уже Олафу. — Сперва почините, а потом можете пить себе дальше.

Они попытались было возразить, заявив, что сперва нужно отметить счастливое избавление от проблем, но я была непреклонна.

— Иначе к нам всю ночь будут заходить «проблемы», — сказала им. А затем напомнила: — И вот еще, с завтрашнего утра вся выпивка только за свой счет!

Прихватила бутылку — мне нужнее, а они пусть сперва выполняют мои поручения! — после чего попросила Марию налить полный таз теплой воды и приготовить бинты.

Ах, бинтов у них нет? Тогда мне нужна чистая материя, а еще суровые нитки и игла.

Есть лечебная мазь, которая заживляет раны? Отлично, пусть несет!..

Здравый смысл тут же посоветовал мне не дурить, потому что я никогда не делала ничего подобного. Но я понимала, что иначе нельзя. Если края ран не стянуть, тот воин,

которого я перед
Лилиями назвала своим мужем, может истечь кровью.

А ведь я только что самоотверженно спасла ему жизнь!..

Выходило, что пришла пора не менее самоотверженно попытаться спасти ее и во второй раз.

– Сигурд, – представился он, когда я вошла в комнату и села на колченогую табуретку возле его
▲кровати. – Меня зовут Сигурд Раньерк!

Кивнула, кусая губы.

– Ну раз так, то раздевайся, Сигурд! – заявила ему. Затем, увидев его удивленное лицо, со вздохом
пояснила: – Мне надо осмотреть на твои раны. Но если ты не сможешь сделать это сам, мы тебе
поможем.

– Надеюсь, это будешь ты? – спросил он игриво. Но явно переигрывал, потому что я
видела
насколько бледным было его лицо.

Качнула головой, сказав, что его надежды совершенно беспочвенны, и это сделает
пришедший по
моей просьбе Олафа.

Сигурд взглянул на моего повара, затем, поморщившись, заявил, что сделает все
сам.

И уже очень скоро, в очередной раз призвав здравый смысл, я попыталась
определить, которые из
ран нужно зашить, а что зарастает само по себе, и можно просто обработать и
перебинтовать,
нанеся лечебную мазь, которую дала мне Мария.

При этом старалась не пялиться на прекрасно развитое, мускулистое мужское тело,
украшенное
татуировками и надписями на незнакомом для Лорейн Дюваль языке. Изморец был
хорош, что уж
тут душой кривить!

А вот две раны – на груди и на бедре – не слишком. Глубокие и все еще
кровоточащие.

Правда, медиком я не была от слова «совсем», но все равно понимала, что если
ничего с ними не
сделать, то очень скоро первый гость с моего вступления во владение «Сквозняка»
может
превратиться в первый же мой труп.

– Лорейн, – опомнившись, сказала ему. Затем себя поправила: – Лорейн Дюваль,
хозяйка

таверны!

– Спасибо тебе, Лорейн! – отозвался Сигурд. – Никогда не забуду твоей доброты! – и тут же потянулся к моей бутылке с выпивкой.

Но я не дала, сказав, что выпивка здесь в лечебных целях. Мне нужно продезен...
Проде...

Неожиданно поняла, что такого слова в языке этого мира не существует. Они ничего не знали про дезинфекцию, пользуясь в особо сложных случаях магией.

Своей же магией я могла разве что кого-нибудь подпалить, поэтому, налив бренди в относительно чистый стакан, бросила туда иглу, а потом для верности засунула еще и нить.

Может, Сигурд и умрет в скором времени – от потери крови или же его все-таки прикончат Лилии, – но уж точно не от заражения, занесенного моей иглой!..

Потому что я все-таки собиралась это сделать.

Это почти то же самое, сказала я себе, что мы проходили в школе на домоводстве, или же как справиться с прорехой в кармане.

С первого раза вдела нить в иглу, затем посмотрела на Сигурда.

– А вот сейчас будет больно! – сообщила ему. – Конечно же, было бы куда лучше, если бы ты отключился...

Но он находился в сознании, поэтому, украдкой вздохнув, я взяла бутылку, плеснула ее содержимое на тряпицу, после чего аккуратно протерла самую страшную из его ран. Сперва эту, затем другую, решив, что с остальными, что поменьше, я разберусь позже.

– Для дезинфекции, – пояснила шипевшему от боли и ругавшемуся на незнакомом языке мужчине.

– Не знаю, кто это твоя Дезинфекция, – произнес он, – но если я ее найду, то ее ждет мучительная смерть!

– Дальше будет только хуже, – пообещала ему. – И вот еще, прикройся, – потому что, дернувшись, он скинул с себя одеяло, и я... гм... полюбовалась на его отсутствующее нижнее белье.

Потому что штаны он снял по моей просьбе, и, так сказать, причинное место меня порядком

отвлекало. Но накидывать на себя одеяло Сигурд не спешил, поэтому я предупредила:

♣— Мало ли, ошибусь и пришью одно к другому, – и продемонстрировала ему иглу.

Изморец тут же поспешно прикрылся.

– Выпей! – посоветовала ему, отдав бутылку.

Затем потянулась к его бедру, решив, что раз уж шить, то шить!

И я зашила.

4.6

Ну, как смогла, так и зашила.

Закончила, чувствуя себя близкой к обмороку. Зато раненный изморец приговорил всю бутылку, приказал принести ему еще одну, после чего начал петь песни на чужом, отрывистом языке и попытался меня лапать.

На это я, выловив чужую руку у себя из-под юбки, подумала, что лечение, несомненно, прошло успешно, и больной будет жить.

– Руку убери! – приказала ему, потому что Сигурд так и норовил погладить меня по ноге, с каждой попыткой забираясь все выше и выше.

Затем добавила:

– И больше никогда так не делай! Иначе заснешь, а я, как и обещала, пришью твое хозяйство одно к другому.

На это он послушно вытащил руку, а я встала, посоветовав ему выспаться, а затем выразила надежду, что в ближайшие часы его не придут еще раз убивать, потому что мне тоже не помешало бы немного отдохнуть.

Я буквально валилась с ног от усталости.

И нет, сказала ему, спать я буду одна, в своей комнате, а ему не стоит забывать о моей «волшебной» игле и не менее волшебном арбалете моего управляющего. Поэтому в гости я его не жду.

– Я скоро уйду, – посерьезнев, неожиданно произнес Сигурд, – но никогда не забуду твоей доброты и смелости, Лорейн Дюваль! Ты спасла мне жизнь.

На это я пожала плечами, заявив, что «Сквозняк» сам по себе вполне гостеприимное

место, так что
добро пожаловать к нам в гости, когда все закончится. Обогреем, накормим,
напоим.

Если, конечно, есть деньги.

Нет, за мое лечение платить ничего не нужно. Он был моим первым пациентом, так
что я рада
потренироваться. А вот за выпитую бутылку и разбитое окно рассчитаться не
помешает – но пусть
он все решает с Леннартом.

После чего вышла, оставив его одного.

В обеденном зале я уставилась на Олафа и Леннарта, приканчивающих очередную
бутылку, и на
недовольную Эмилию, поглядывающую на своего мужа исподлобья. Заявила ей, что их
комната еще
какие-то время будет занята, – раненному надо отлежаться, – так что на эту ночь
им стоит
выбрать одну из свободных.

А завтра... Завтра будет новый день, и мы во всем разберемся!

Затем посмотрела на мужчин, которые тут же дружно отозвались, что дверь и ставни
они починили,
а к стекольщикам можно будет наведаться только утром. Так что мой приказ
выполнен, госпожа
Дюваль!..

Кивнув, стала подниматься по лестнице, размышляя о том, что неплохо бы поставить
свечку и
возблагодарить Святую Эрдину за то, что мы с Анаис все еще живы, а еще попросить
у Нее, чтобы
чудовищная ночь поскорее закончилась, и снова взошли два солнца – Иртэ и Врон.

Замерла, внезапно осознав, что думаю совсем как Лорейн Дюваль – потому что
подобные мысли
для меня были совсем уж чужеродными.

Выходило...

Попав в этот мир, наши с Лорейн воспоминания переплелись, и она вовсе не исчезла
безвозвратно,
▲как мне казалось до этого, когда я брела по улицам Виллерена.

Во мне все еще оставалась часть леди де Эрве.

Вернее, под воздействием ее я изменилась, став немного другой. Нет, не Лорейн
Дюваль, но уже и
не Марьяной Вороновой.

Правда, меня это странным образом несколько не пугало. Пожав плечами, продолжила
подниматься по ступеням, но снова остановилась. Перегнувшись через перила,

сказала мужчинам,
чтобы будили меня только в самом крайнем случае.

Например, если в «Сквозняке» снова начнут кого-то убивать – тогда да, будить меня можно. Во
всех остальных случаях пусть разбираются сами.

Наконец, добралась до нашей с Анаис комнаты. Дочь спала, разметавшись по покрывалу. Подойдя,
я прикоснулась к ее лбу губами и снова вздохнула. Правда, на этот раз с явным облегчением,
потому что мне показалось, будто бы жар спал.

Вскоре я тоже скинула платье – нашла, где оно расшнуровывалось, – хотя для этого пришлось
порядком повозиться. Оставшись в одной сорочке, поплескала в лицо водой из оставленного возле
умывальника тазика. Затем отыскала маленькое зеркальце, но в полумраке комнаты так и не смогла
ничего в нем разглядеть.

Можно, конечно, было взять свечу и заняться пристальным изучением новой себя, таращась в
зеркало в полумраке, но я решила, что во всем разберусь завтра. Наступит утро, и я непременно
узнаю, как выглядит настоящая Лорейн Дюваль.

Сейчас мне нужно немного отдохнуть.

Задула свечи, оставив только одну, возле самой кровати, и уже очень скоро нырнула под чужое
покрывало. Конечно, постельное белье в комнате Джона Грехема оставляло желать лучшего, но
разве это проблема после того, что мы пережили с Анаис?!

Задув последнюю свечу, прижала к себе дочь.

Сонная Анаис протянула ко мне руки, безошибочно отыскав на моей шее золотой ключик.
Повертела его, затем сжала в кулачке и снова скользнула в мир грез. Да и я не стала от нее
отставать, почти сразу же провалившись в сон.

Глава 5

♠Глава 5

Проснувшись я от того, что кто-то на меня смотрел. И этот самый взгляд моментально разогнал
последние остатки сна, а в голову полезли воспоминания о вчерашнем дне, похожем то ли на
триллер, то ли на фильм ужасов.

Правда, в этом «фильме» все-таки присутствовала любовная линия. Только вот любовь оказалась к

собственному ребенку, потому что все встреченные мужчины оставили меня равнодушными.

Первый порядком покопался у меня в голове, размышляя, то ли ему отправить меня на плаху, то ли выпустить на свободу. Правда, Эдвард Блейз дал мне с собой кошелек с деньгами, за что я была ему благодарна.

Второй, о котором втайне грезил Лорейн, показался мне вполне симпатичным. К тому же, Арни Бесколь вручил мне дарственную на «Сквозняк», нашу с Анаис единственную надежду выжить в этом мире, за что я тоже была несказанно ему благодарна.

Только вот он принадлежал к Лилиям, а они вызывали у меня подсознательное отвращение.

Леннарт наставил на нас с Анаис арбалет, не собираясь впускать в таверну, а светловолосый красавец Сигурд Раньерк еще меня и облапал.

Зато в мире двух солнц у меня оказалось маленькая дочь. Та, кому навсегда было отдано мое сердце.

Она-то и сидела напротив меня, уставившись мне в глаза. Позади нее – стоило мне поморгать, привыкая к ярким солнечным лучам, пробиравшимся в комнату через полуприкрытые ставни, – на подоконнике высилась целая батарея пустых бутылок.

Тех самых, которые вчера так и не унес с собой Леннарт!

Девочка смотрела на меня пристально, не отрываясь. В руках у нее был мой темный локон, который она крутила, заворачивая на палец. Кажется, перед сном я все же распустила косу или же она растрепалась сама, и теперь каштановая масса волос разметалась по подушке.

– Привет, мое солнышко! – улыбнулась я дочке, внезапно осознав, что никто и никуда возвращать меня не собирается. Теперь я навсегда привязана к этому миру, этому телу и этому ребенку.

Но меня сей факт несколько не тревожил – потому что в своем мире у меня не было ребенка!

Правда, я моментально почувствовала легкий приступ паники, когда поняла, что Анаис все еще больна. Ее щеки показались мне слишком красными, а взгляд затуманенным.

К тому же, она так ничего мне и не ответила. Не произнесла ни единого слова со вчерашнего

«Мама!» возле ступеней Цитадели, хотя я прекрасно помнила, что Анаис умела говорить.

И говорила она очень хорошо. Вернее, была еще той болтушкой!..

Выходило, что болезнь никуда не собиралась отступать. Вчерашнее обтирание и малиновый настой дали лишь кратковременный эффект, но температура снова росла. К тому же, Анаис упорно продолжала молчать, и это наполняло меня тревогой.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила у нее, надеясь, что дочь все-таки откроет рот.

Но она опять промолчала, уставившись на меня застывшим взглядом. Тогда я села на кровати и пощупала ее лоб. Он снова был горячим, правда, уже не таким раскаленным, как вчера вечером. Хотя попробуй еще разбери без градусника!

– Проголодалась? – спросила я у девочки, пытаюсь скрыть под приветливым голосом свою тревогу.

Анаис покачала головой. Ну что же, реагирует – и то хорошо!

– Может, хочешь пить?

Девочка кивнула, я, поднявшись с кровати и откинув на спину волосы, упавшие почти до бедер, отстранено подумала, что новое тело пусть у меня и худенькое, но очень выносливое, – вот, после вчерашней прогулки по столице даже спина не болела!

Подойдя к умывальному столику – ужасному и замызганному, – я взяла глиняную кружку, которую вчера оставила для меня Мария. Принюхалась – вода показалась чистой, хотя все это мне несколько не нравилось...

♣В голову тут же полезли картинки с атакой организма миллиардами бактерий, но я усилием воли их разогнала. Решила, что раз уж Анаис выросла в этом мире, то она должна быть привычной к местной воде.

Как и Лорейн.

Но это не отменяло того факта, что впредь я собиралась все кипятить.

– Вот! – Помогла дочке напиться. – Сейчас мы оденемся, и я заплету тебе волосы. Затем ты выпьешь вкусную настойку, которую вчера делала Мария, и мы позавтракаем. После этого ты немного лежишь. Нужно подождать, пока отвар подействует...

К тому же, мне бы не помешало бы за ним сходить, а заодно и проверить, уцелела ли таверна.

– Побудешь немного здесь? – спросила я у Анаис.

Услышав это, дочь уставилась на меня огромными глазами – мне показалось, что она перепугалась до ужаса из-за того, что я собиралась оставить ее одну в этой комнате. Затем Анаис замотала головой, а по ее щекам потекли слезы.

Тогда я решилась.

Подумала, что раз уж ей шесть с лишним – почти семь лет, то мне стоит разговаривать с ней как со взрослой.

5.2

– Анаис, в нашей жизни произошли ужасные события, – сказала ей. – Мы еще долго будем о них вспоминать и оплакивать... твоего папу.

Девочка вздрогнула, ее личико исказилось в болезненной гримасе. Я прижала дочь к себе, подумав, что постараюсь поскорее «похоронить» нашу жизнь с Флореном де Эрве.

– И еще наш дом, – добавила я.

О нем в воспоминаниях Лорейн сохранились самые теплые чувства, да и Анаис едва заметно кивнула.

– Но сейчас мы должны радоваться тому, что у нас есть, – произнесла я. Отстранив дочь, заглянула ей в глаза. – Мы с тобой выжили, и это самое главное! У меня есть ты, а у тебя есть я. И еще, у нас с тобой появилась крыша над головой. Теперь это наш новый дом. Да, он сильно отличается от того, к чему мы привыкли, но со временем нам ничего не помешает сделать его уютным. Я же постараюсь тебя защитить, чего бы мне это ни стоило. Ты мне веришь, Анаис?

Она посмотрела на меня огромными расширенными глазами, но так ничего и не ответила. Не произнесла ни единого слова, не было ни кивка, ни слезинки – ничего!

На это я, украдкой вздохнув, решила оставить ее в покое. Подумала, что все обязательно утрясется.

Но чтобы ей в этом помочь, а еще разобраться, что с ней приключилось – может, у нее банальная простуда или же обычный вирус, который дал такой вот странный побочный эффект, – я

собиралась поскорее отыскать для нее доктора.

Желательно, уже сегодня.

Но сперва мне нужно было привести себя в порядок, затем спуститься и оценить обстановку в обеденном зале, после чего придумать, что нам делать дальше.

Начать я решила с малого — наконец-таки проветрить комнату.

Отодвинув бутылки, распахнула окно. Затем открыла ставни, впуская в комнату по-утреннему свежий, но уже теплый воздух. На меня пахнуло влажной землей — похоже, ночью прошел дождь, смывая кровь и грехи Виллерена, — а еще свежей зеленью и куриным двором.

Но это были приятные запахи, напомнившие мне о моем собственном счастливом детстве в деревне.

Правда, в этом месте все было совсем по-другому!

Подняв голову, я уставилась на два встававших над городом солнца. Врон был слева, золотым блином висел над рыжими крышами Виллерена, а Иртэ поднимался справа, сиял так ярко, что заставил меня поморщиться и заморгать.

Но определить на глаз, который сейчас час, я так и не смогла — Лорейн не слишком-то в этом разбиралась.

Решив, что не столь важно, стала разглядывать внутренний двор таверны. Огороженный от примыкающих домов добротным забором, он показался мне вполне просторным.

Часть двора накрывал навес, под которым с одного бока стояла поленница, сверху сложенными дровами. Рядом с ней притулились два характерных домика. Похоже, это были общественные отхожие места, потому что за заветной дверцей в комнате Джона Грехема водилось еще одно, наше собственное.

За домиками виднелись пустующие денники — там располагалась конюшня для гостей, решивших заночевать в «Сквозняке».

По другую сторону двора протянулся огород — я увидела несколько грядок с чахлыми ростками, которые поливала Эмилия. Но разобрать, что именно выращивали в «Сквозняке», так и не смогла.

Затем я увидела Марию, которая с корзинкой в руках выходила из курятника, расположенного в

дальнем конце двора. Вслед ей несло недовольное кудяхтанье. Несколько рябых кур все же выбрались из заточения и теперь деловито копались в земле.

Я повернулась к Анаис.

— Сейчас мы с тобой спустимся, — сказала ей, — а потом пойдем и посмотрим на курочек.

Кивнув, Анаис слезла с кровати, и я втайне порадовалась ее энтузиазму. Но затем с легкой жалостью уставилась на ее худенькое тельце, подумав, какими все же слабыми были ее движения.

Ну что же, еще один стимул поскорее разыскать доктора!

Деньги у меня водились — кошелек, до этого надежно спрятанный в лифе, перед сном я сунула под подушку. Теперь выловила его — в целности и сохранности! — снова собираясь припрятать на груди. Еще не знала, сколько подарил мне королевский маг, но почему-то казалось, что он не поскупился.

Эдвард Блейз, вот как его звали!..

Память тут же угодливо выдала мужское лицо с резкими, но приятными чертами; черные, собранные в хвост волосы и удивительно яркие, синие глаза.

Впрочем, я тут же покачала головой, разгоняя дымку воспоминаний. Наши пути с господином Блейзом разошлись еще в цитадели, и вряд ли они когда-либо пересекутся!..

Наконец, помогла Анаис одеться, с жалостью уставившись на лохмотья, в которые превратилось ее когда-то красивое платье, затем натянула свое собственное — кошмарную конструкцию из юбок, завязок и шнуровок, да еще и с заляпанным кровью подолом.

Вздохнув украдкой — пусть и в обносках, зато мы живы! — заплела Анаис две косы. Завязала волосы и себе, после чего, привычно подхватив девочку на руки, отправилась с ней к двери.

Неожиданно вспомнила о зеркале.

Задержавшись на несколько мгновений у умывальника, бросила на себя взгляд.

Из зеркала на меня смотрела молодая, худенькая женщина с бледным лицом. У нее были ярко-зеленые кошачьи глаза, высокие скулы, небольшой прямой нос и полные губы.

Что уж тут душой кривить — Лорейн Дюваль, бывшая леди де Эрве, оказалась

настоящей
красавицей!

На это я пожала плечами, подумав, что столь яркая внешность, определенно, станет для меня причиной множества проблем в этом мире.

Наконец, я отодвинула засов и с Анаис на руках вышла в длинный коридор. Остановившись у перилл, на этот раз куда более внимательно оглядела свою собственность, без заметных потерь пережившую страшную ночь.

Ничего нового не заметила — все та же выдавшая виды мебель на первом этаже, вытопанные полы и потухший камин. Обеденный зал был пуст — ни одного посетителя, хотя входная дверь «Сквозняка» была распахнута, а ставни открыты.

Если, конечно, если не считать «павших».
▲Олаф спал, положив голову на стол, оглашая таверну мощным храпом. Рядом с ним прикорнул Леннарт. Судя по стоявшим пустым бутылкам, «работнички» порядком засиделись, а затем у них попросту не хватило сил куда-либо уйти.

— Нет, это не дело! — сказала я Анаис. — Понятно, что солдат спит, а служба идет, но нам с тобой это совершенно не подходит. — И начала спускаться по лестнице.

Девиз с пониженной социальной ответственностью нигде не было видно, зато внизу я столкнулась с Марией. Экономка приветливо мне улыбнулась, после чего сказала, что приготовит для нас с дочерью завтрак. Слава богам, куры несутся исправно, несмотря на все ужасы, которые творятся в городе!..

У нее есть для меня немного вяленого бекона, так что выйдет сытная яичница-глазунья. Для Анаис она сварит пшеничную кашу с тыквой — чего-чего, а тыкв еще с прошлого урожая в таверне с запасом. Правда, вчерашнее молоко скисло, но она уже послала за новым.

Анаис сперва покачала головой, пытаясь отказаться от завтрака, но потом все же согласилась на кашу, а я попросила Марию еще и сварить для нее нового малинового настоя. На это экономка кивнула, затем, кинув быстрый взгляд на спящих «работничков», ловко выманила у меня с рук Анаис, поставила ее на ноги и увела за собой на кухню.

Да-да, варить ту самую кашу и готовить для мамы завтрак!

Я с удивлением посмотрела им вслед — для меня это был высший пилотаж в умении общаться с детьми, до которого еще учиться и учиться.

К тому же, в «Сквозняке» оказался еще один ребенок, который вот-вот должен был вернуться от молочника, а по дороге разузнать, что творится в городе.

Восьмилетний сын Эмилии и Олафа прошлой ночью оставался у дедушки с бабушкой. Он-то и присмотрит за моей дочерью, став для нее другом для игр.

На это я нерешительно кивнула, подумав, что никогда бы не послала своего ребенка, чтобы разузнать, что происходило за распахнутыми дверями «Сквозняка». Но, похоже, такими мелочами здесь заморачивалась только я одна.

Поэтому я тоже перестала.

Вернее, подошла и гаркнула в ухо двум пропойцам:

— Всем встать, король идет!

На это они моментально подскочили и уставились на меня ничего не понимающими взглядами.

Затем Леннарт застонал и схватился за голову, а Олаф издал рык загнанного охотниками оленя, заявив, что нельзя же так пугать с утра пораньше!..

— Утро, — сообщила им, — давно уже наступило. Судя по дневному свету, оно никакое не раннее. К тому же, за окнами больше никого не убивают, так что нам всем пора возвращаться к нормальной жизни.

— А не будет у нас никакой нормальной жизни! — со страдальческим видом возвестил Леннарт. —

Этой ночью победили Клинки. Они разбили на голову Лилий, а сейчас, наверное, ловят их по всему городу!.. Мы с Олафом выходили после рассвета, вот и узнали... гм... столь благую весть.

— Победили, и хорошо, — отозвалась я. — Но почему же нам не будет из-за этого жизни?

— Потому что Джон Грехем был за Лилий, — буркнул Олаф.

— И леди Лорейн де Эвре тоже, — усмехнулся Леннарт, ясно давая понять, что успел разузнать, кто я такая. — Но не из-за вас, госпожа Дюваль, а именно из-за Старого Джона нас теперь будут ненавидеть и презирать во всем городе. По его вине «Сквозняк» стал что-то вроде чумного барака,

потому что Джон никогда не скрывал своих симпатий... Нам еще повезет, если таверну не сожгут и не закидают камнями!

— А вот на это мы еще посмотрим, — сказала ему, чувствуя, как сжимается грудь от нехороших предчувствий. — Посмотрим, как нас будут обходить стороной и закидывать камнями!..

— Еще как будут — буркнул Леннарт. — Но мне интересно, что вы собираетесь предпринять, госпожа Дюваль? Быть может, снести таверну и отстроить на ее месте новую?

5.4

♣— На это у меня не хватит денег, — сказала ему. — Кстати, если тебе кто-то обо мне разболтал, надеюсь, он не забыл упомянуть, что мой муж Флорен де Эрве потерял все, включая собственную жизнь. Поэтому у меня ничего не осталось.

Разве только что жизнь. Ну еще и дочь, куда я без нее?

— Тогда нам придется стереть память всему городу, — усмехнулся Леннарт. — Только так «Сквозняк» сможет удержаться на плаву.

— Или же найти тех, у кого эта память коротка, — пожала я плечами. — А еще изменить это место так, чтобы оно больше ничем не напоминало старое. Поэтому, — я обвела взглядом обеденный зал, — сперва мы здесь все вымоем и вычистим. Чуть позже купим новую мебель и сделаем перестановку. С деньгами пока еще проблематично, но чтобы все здесь выдраить, они не понадобятся. К тому же, я должна еще подумать над новой концепцией...

Этого слова Леннарт не знал. Нахмурился и потянулся за бутылкой.

— Последняя рюмка, — намекнула ему. — Но исключительно для того, чтобы поправить здоровье.

Олафу тоже не помешало бы его поправить. Повар «Сквозняка» был бледен, если не сказать, что зелен.

— Последняя, — согласился со мной Леннарт, — потому что больше ничего не осталось, — и кивнул в сторону полупустой барной стойки.

Я посмотрела на три сиротливо стоявших бутылки и, подозреваю, тоже изменилась в лице, став под стать Олафу. Потому что такого поворота я не ожидала.

— Даже пива в бочках закончилось, — с явным злорадством возвестил Леннарт. —

Есть только в одной, и то, на самом дне. Старый Джон как-то позабыл озаботиться об этом перед смертью. К тому же, он задолжал в казну налоги за последний квартал. Вернее, специально их не платил, думая, что Лилии дадут ему послабление за верную службу. Но неделю назад нам пришло постановление... Хотите, я вам его покажу, господа Дюваль?

— Что в том постановлении? — спросила у него, сказав, что он покажет мне бумагу позже. — Чего они от нас хотят?

— Чтобы мы немедленно заплатили весь долг, иначе «Сквозняк» закроют. Отберут разрешение, а потом и всю таверну. Естественно, во славу Истинного Короля и острых Клинков! — и поднял рюмку.

Тут Олаф застонал — вернее, зарычал, словно раненный бык. Затем, позеленев еще сильнее, кинулся куда-то в сторону. Подозреваю, к черному ходу на задний двор, где находились отхожие места.

— То есть, выпивки в баре нет, — уточнила я. — Продуктов, наверное, тоже не сказать, что изобилие.

Крутившаяся неподалеку Эмилия тут же подтвердила, что почти все запасы на кухне подошли к концу. Правда, тыкв у нас много, есть крупа, кое-какие соленья с прошлой осени, да и куры несутся исправно.

— Отлично! — пробормотала я. — А еще есть долг в казну, который нужно срочно заплатить. — Взглянула на Леннарта. — Выручка?

На это он торжественно объявил, что в кассе сейчас ровно тридцать дукаров — и то, исключительно от щедрот спасенного мною изморца, который ночью немного полежал, а затем встал и куда-то ушел.

Но все же не забыл отсыпать золотых. Тридцать штук, ни монетой больше, ни монетой меньше.

Вернее, возможно, есть еще несколько мелких монет, заюлил Леннарт, и мне это нисколько не понравилось.

— Пересчитаешь, — заявила ему, — и все запишешь в расчетную книгу. Мне нужен полный расклад

по приходам и расходам за последние две недели. Хотя нет, давай уже за последний месяц. — Его

лицо искривилось, а я мстительно добавила: — К тому же, сделаешь мне полную опись имущества.

Хочу ознакомиться, так сказать... Думаю, Мария тебе в этом поможет. Кстати, почему в кассе нет денег?

— Потому что бедняга Джон окончательно потерял разум, — отозвался он. — Все из-за проклятых

Лилий, за которых он и ушел воевать! Хотя из него оказался тот еще вояка — прикончили в первом

▲же бою.

— Печально, — отозвалась я.

— Печально, — согласился Леннарт. — Но не менее печально было то, что Джон забрал все

сбережения и отдал их мятежникам. Все мечтал разбогатеть, думая, что Лилии его вознаградят, но

вместо этого нам привезли его труп. Мы его похоронили, и на это ушли последние деньги. Но это

были хорошие, достойные похороны. К тому же, Джон любил говорить, что мы — его единственная

семья. Поэтому мы и...

— Поэтому вы ждали, кто отберет у вас «Сквозняк» первым, Лилии или Клинки, — кивнула я. —

Продолжали жить, как ни в чем не бывало. Ели и пили. — Впрочем, я их не осуждала. Судя по

всему, им, как и нам с Анаис, большее некуда было идти. — Но теперь я ваша новая хозяйка, и все

будет по-другому.

— Это ненадолго, — оскалился Леннарт. — Пара-тройка дней, и к нам обязательно явятся

королевские поверенные и опечатают таверну.

— Насколько большой долг в казну? — поинтересовалась я.

Он насмешливо оглядел меня с ног до головы.

— Триста шестьдесят пять дукаров. У нас уже есть тридцать, осталось насобирать еще триста

тридцать пять. Это звучит как песня. Триста-а-а тридцать пя-ять... — Затянул он, но я нахмурилась,

и Леннарт заткнулся. Правда, ненадолго: — Что вы предполагаете делать, госпожа Дюваль? Думаю,

у вас есть то, что можно продать...

Сказав это, обвел меня многозначительным взглядом, и мне стало ясно, на что он намекал.

— Как-нибудь обойдусь и без торговли телом, — заявила ему резко. — Этого хватит?

— и положила
на стол мешочек, который мне подарил Эдвард Блейз. — Пересчитай.

Леннарт взглянул на меня удивленно, затем принялся разбирать монеты.

— И вот еще, — добавила я. — Две следующих недели вы будете работать без жалования, за еду и кров, раз уж пропили и проели все запасы.

Потому что платить мне им было нечем.

Леннарт поднял на меня взгляд, но, оказалось, за моей спиной стоит Олаф. Все еще бледный, повар заявил, что это будет справедливо. Поэтому и Леннарту пришлось нехотя добавить, что это честная сделка, после чего он продолжил пересчитывать монеты.

В кошеле оказалось ровно четыреста пятьдесят дукаров золотыми монетами, но уже крупного номинала.

Этого как раз хватало, чтобы заплатить долг по налогам, внести пошлину за регистрацию таверны на мое имя, а еще застеклить окно и купить кое-какие припасы.

— И поменять вывеску, — добавила я, потому что меня посетила внезапная идея. — Быть может...
гм... Думаю, «Попутный ветер» неплохое название. Куда лучше, чем «Сквозняк», от которого меня уже тошнит. Ой, прости! — произнесла я виновато, потому что повар снова позеленел.

— Допустим, — отозвался Леннарт. — Но что нам делать с пивом и всем остальным?

В полнейшей задумчивости я потянулась к шее, как это всегда делала Анаис. Ясное дело, на то, чтобы поднять таверну на ноги, мне понадобятся деньги. Одним лишь подарком королевского мага не обойтись.

— Как думаешь, сколько можно за это выручить? — спросила у него, сняв и повертев в руках кулон Лорейн.

Кажется, ключик и цепочка были из золота, а маленькие камешки по ободку — россыпь мелких бриллиантов. Но я ни в чем не была уверена.

Вот и Леннарт тоже не знал.

— Не могу сказать, я же не оценщик, — заявил мне. — Может, дукаров на сто потянет...

— Ну раз ты не оценщик, — отозвалась я, — то мне как раз нужен оценщик! Вернее,

ломбард, в котором я могу заложить эту вещь до поры до времени. С условием, что можно будет выкупить ее в любой момент.

♣— Знаю я тут одного ломбардщика, – задумчиво протянул Леннарт. – Он дерриканец, а они, как известно, пронырливые типы. Но дела ведут честно.

Кивнув, согласилась на пронырливого типа-дерриканца. Главное, чтобы заплатил...

Сказала и замолчала, потому что на миг меня охватило ощущение, что с ключом расставаться нельзя. Он почему-то был крайне важен, но я не понимала причины. Не знала, что именно он открывал, а память Лорейн отказывалась мне в этом помогать.

Впрочем, сейчас куда важнее была жизнь моей дочери, а для этого ей нужен кров над головой, хорошая еда, спокойная обстановка. И доктор, которого я собиралась разыскать.

Причем, чем скорее, тем лучше.

Для всего этого мне понадобятся деньги.

Поэтому я засобиралась выйти в город и захватить с собой Леннарта в качестве провожатого и охранника. Но сперва мне пришлось закончить с делами в таверне. Накормила Анаис – выпив отвар, она съела целых пять ложек каши, правда, с уговорами и сказками. Но я решила, что и это уже успех.

Затем наспех перекусила сама. Яичница со свежеспеченным хлебом показалась мне на редкость вкусной. Наверное, потому что я давно ничего не ела. Но еда все же была довольно пресной, а на столе не оказалось ничего из приправ.

Только соль, соли в «Сквозняке» было много.

Позже, решила я. С этим я тоже разберусь позже, когда разыщу для Анаис доктора, схожу в Ратушу и посету ломбардщика.

Правда, перед выходом в город появилась еще одна проблема.

Одежда!..

Мое порядком пострадавшее платье совершенно не подходило для ведения дел и посещения общественных мест. Если только просить милостыню на ступенях Храма Святой Эрдины!..

Поэтому я обратилась за помощью к Марии. Быть может, она знает место, где я бы

могла раздобыть
еще одно платье, пока не приведу это в порядок?

Оказалось, нашу с Анаис одежду я могу отдать прачкам на соседнюю улицу. Они ее перестирают и приведут в порядок, как и постельное белье в «Сквозняке», на что я тоже оставила денег.

Но так как мне не в чем было ходить, поэтому Мария выдала мне одно из своих старых платьев. Вернее, наряд оказался совершенно новый – оказалось, ей подарила его невестка, но экономка еще ни разу его не надевала, решив, что юбка слишком пестрая.

Мне ничего такого не показалось, поэтому она решила подарить его мне.

На миг в голове промелькнуло что-то о трауре – монстра в человеческом облики Флорена де Эрве убили несколько дней назад, и мне, как приличной вдове, следовало бы...

Но я решила, что не следовало. И еще, что я буду совершенно неприличной вдовой, потому что горевать по тому, кто столько лет издевался над бедной Лорейн, я не собиралась.

Поэтому очень скоро натянула чистую сорочку – тоже из запасов Марии, – сверху на нее накинув белоснежную блузу, на которую надевалась многослойная пышная юбка – бордовая, расшитая воланами. Затем экономка, одобрительно покивав, помогла мне затянуть шнуровку нового, черного лифа – его она тоже выдала из своих запасов.

И я сердечно поблагодарила Марию за ее подарки.

Правда, одежды для Анаис в таверне не нашлось – была только мальчиковая, которую тут же предложила мне Эмилия. Но моя принцесса моментально разрыдалась и напрочь отказалась надевать штаны Томаса.

И я решила, что разберусь и с этой проблемой.

Не все сразу. Постепенно, иначе я сойду с ума.

К этому времени вернулся и сам Томас – вихрастый пацаненок с темными озорными глазами. Он рассказал нам примерно то же самое, что и Леннарт с Олафом. ♣Клиники победили, повсюду в городе развешаны их флаги – нам, кстати, тоже не помешает проявить лояльность и показать свою радость... К тому же, на улицах замыывают кровь и собирают трупы, так что столица постепенно оживает.

На это я поблагодарила Томаса, а потом украдкой попросила его присмотреть за

Анаис, сунув
маленькую монетку – из той самой мелочи, которая обнаружилась в кассе
«Сквозняка».

Монетку Томас взял, покивал важно, после чего, взяв мою дочь за руку, повел
повеселевшую после
завтрака и настойки Анаис во двор, смотреть на курочек и на собаку, спавшую в
будке за
поленницей.

Я же отправилась наверх за документами, перед выходом сказав Олафу, что он
теперь здесь за
главного. Отвечает за кухню и бар – если вдруг кто-то зайдет в «Сквозняк».

Но повар лишь неверяще покачал головой.

Вернувшись, приказала остальным заняться генеральной уборкой первого этажа –
собрать
отовсюду пыль и паутину, отскоблить столы и до блеска вымыть полы.

На это Эмилия тут же донесла, что в таверне есть еще две дармоедки. Интересно,
что новая хозяйка
собирается с ними делать?..

Признаюсь, я совсем забыла о «ночных бабочках». Думала, они упорхнули в
естественную среду
обитания. Вместо этого, оказалось, они сладко спали в одной из пустых комнат на
втором этаже,
выклянчив у Леннарта запасной ключ.

А этот... Этот любитель бесплатной выпивки ничего мне не сказал!

5.6

И я, растолкав девиц, тут же заявила им, что они тоже в деле.

Вернее, поставила их в известность, что проживание и питание в «Сквозняке»
влетело им в
копеечку, и за все придется заплатить. А место, как известно, у нас недешевое...

На это их лица вытянулись – потому что девушки не знали, что мы – дорогая и
престижная
таверна в квартале Грезден.

Затем одна из них – светловолосая, с растерянными голубыми глазами, – неверяще
повернула
голову и уставилась на Леннарта, словно просила у него защиты. Но я лишь пожала
плечами,
заявив, что мне все равно, какого рода услуги они оказывали персоналу. Меня, как
владелицу
«Сквозняка», это совершенно не касается, и из своих денег чужие развлечения
оплачивать я не
стану.

Так что им придется отрабатывать.

– Но как?! – спросила у меня блондинка.

Ее рот округлился – она все еще не могла понять, к чему я веду. Черноволосая подруга тут же быстро добавила, что денег у них нет и не предвидится.

– Если не деньгами, то ручками, – усмехнулась я, на что их лица снова вытянулись. – И нет, вовсе не так, как вы подумали! Для начала вымоете весь первый этаж. Мария станет руководить. – На это экономка деловито покивала. – Затем займетесь вторым. И да, не забудьте поменять все постельное белье. Подозреваю, это как раз ваш профиль. – Про профиль они ничего не знали. – Если будут вопросы, – вновь кивнула в сторону Марии, – смело у нее спрашивайте.

Тут вторая, темноволосая девица попыталась было заявить, что в уборщицы они не нанималась и ничего делать не станут. На это я спокойно ответила, что если любишь кататься, то люби и таверну мыть. Никакой бесплатной выпивки и еды здесь не было и быть не могло.

Их ввели в заблуждение, так что пусть отрабатывают. А не станут, тогда я лично отправлюсь к Тетушке Хло и потребую, чтобы она возместила убытки, нанесенные ее работницами.

Услышав имя своей хозяйки, девицы испуганно переглянулись.

– Не надо к тетушке Хло! – пробормотала светловолосая. Кажется, ее звали Аня. – Мы... Да, мы все сделаем!

Но я не собиралась останавливаться на достигнутом.

– Привычной для вас работы здесь больше не будет, – сказала им. – Никакого дома утех с этого дня в моей таверне не существует. Но, вполне возможно, если вы смените это тряпье на нормальную одежду, а с лица смоете килограмм дряни, которую вы по ошибке называете косметикой, вам найдется место офи... подавальщиц, – поправила я себя.

И наплевать, что Леннарт с трудом удержался от язвительного смеха, – у меня на «Сквозняк» были очень большие планы. Но для этого придется начинать с малого – да, даже с такого!

Впрочем, возиться с девицами у меня больше не было времени, поэтому, развернувшись, я покинула комнату. А на замешкавшегося Леннарта даже прикрикнула, чтобы он не отставал.

.
.

•
•
•

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора:

<https://www.litres.ru/book/grinberga-oksana/malenkaya-hozyayka-bolshoy-taverny-67593762/>